

Крепость

Виктор Старицын

Виктор Старицын

Крепость

«Автор»

2024

Старицын В.

Крепость / В. Старицын — «Автор», 2024

Книга написана в жанре альтернативной военной истории и представляет собой военно-исторический анализ возможного хода боевых действий при обороне Брестской крепости при условии, что советское руководство ожидало нападения Германии и готовилось к его отражению. В крепости Бреста размещена артиллерийская группировка под прикрытием стрелкового полка, имеющая целью воспрепятствовать противнику в использовании брестского транспортного узла. В ходе боевых действий стрелковый полк продержался в крепости целую неделю, постоянно разрушая с помощью артиллерии все наведенные противником переправы через пограничную реку. Затем полк прорвался из окружения, прошел маршем через припятские леса и вышел в расположение советских войск. Действие книги происходит с 1 октября 1939 года по июль 1941 года. Книга «Крепость» входит в серию «Боевой 41 год», но является самостоятельным произведением.

© Старицын В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Крепость

Глава

Введение. Крутой поворот.

.1.

Сны Иосифа Виссарионовича.

Первый сон Иосифа Виссарионовича.

Босиком, в одних галифе и нательной бязевой рубашке он убегал по знакомым коридорам Большого Кремлевского дворца. Ему было страшно. Каждый раз, заворачивая за очередной угол, он оглядывался назад и видел преследующих его трех офицеров СС в парадной черной форме с короткими автоматами в руках. Он уже пробежал коридоры третьего этажа, спустился на второй, затем на первый. Эсэсовцы не отставали и все также молча преследовали его. Ковровые дорожки сменились под босыми ступнями холодным бетонным полом. Он уже бежал по подвальному этажу, затем спустился еще ниже, в древние полутемные сводчатые коридоры. Окрашенные оштукатуренные стены уступили место старой кирпичной кладке. Пол под ногами вымощен выкрошившимся кирпичом. Эсэсовцы сокращали дистанцию. За очередным поворотом оказался тупик: коридор уперся в кирпичную кладку. Он вжался спиной в кирпичную стену, словно пытаясь просочиться сквозь кирпич. Иосиф Виссарионович увидел, как из-за поворота, не спеша вышли трое эсэсовцев. Они явно знали, что деваться ему некуда. Стало очень страшно. Подойдя на расстояние три метра, эсэсовцы выстроились в ряд и средний в ряду, самый высокий, со зловещей ухмылкой на холеном лице, поднял автомат и прицелился ему прямо в лицо. Дикий ужас наполнил все его существо и он закричал.

И от своего крика проснулся. Он даже не понял, успел ли закричать на самом деле, так как дежурный охранник не постучался в дверь. Но, во всяком случае, от усилия крика он проснулся.

Иосиф Виссарионович осознал себя лежащим на любимом диване в своем кабинете на ближней даче. Было темно. Лишь слабый контур ночного света окаймлял задернутое плотной портьерой окно. Сердце бешено колотилось, дыхание учащено. Несколько минут он неподвижно лежал, успокаивая сердцебиение и дыхание. Затем встал, подошел к окну, отодвинул портьеру и поглядел во двор. Аллеи сада, освещенные редкими фонарями, были пусты. Еще не рассвело.

«Что за ерунда?» – подумал Иосиф Виссарионович. Кошмары ему снились всего несколько раз в жизни, и каждый раз были связаны с болезнью и высокой температурой. Он вообще отличался крепкой психикой и редко видел сны. Он попытался понять, какие впечатления вчерашнего дня могли стать причиной кошмара, но ничего подозрительного не вспомнил. Все было великолепно. Вечером он с ближним кругом соратников и приглашенными военными отмечал победоносное завершение освободительного похода Красной Армии в Польшу. Ну выпил, понятно, но не более обычной нормы хорошего грузинского вина.

Постояв минут десять у окна, он так ничего и не вспомнил. Успокоив пульс и дыхание, он вернулся на диван и снова заснул.

Второй сон Иосифа Виссарионовича.

Прямая как струна, серая от пыли дорога тянулась среди серых, покрытых пеплом полей. Он шел в пыльных сапогах и распахнутой шинели среди таких же, как он, бойцов и командиров Красной Армии. Они брели, опустив головы и шаркая ногами, в бесконечной колонне по десять человек в ряд по этой дороге к серому горизонту. По обочинам дороги шли цепочкой мордастые, самодовольные конвоиры в немецкой военной форме. Перед каждым конвоиром на длинном поводке трусил овчарка. Бежать было некуда. Ощущение безысходности и отчаяния переполняло его. На горизонте показался высоченный глухой забор. Дорога вела прямо в огромные распахнутые ворота. По мере приближения к воротам Иосифа Виссарионовича охватывал ужас. Он точно знал, что входить в ворота ни в коем случае нельзя. За ними его ждет безвозвратная Смерть. Но злая непреодолимая сила вела его вместе со всеми прямо к воротам. Ворота уже близко. Ужас стал нестерпимым. Каким-то краешком сознания Иосиф Виссарионович все же понимал, что это всего лишь сон. Ухватившись всей силой воли за этот краешек, он диким усилием вырвал себе из вязкости кошмара.

Контур окна заметно осветился. Видимо, за окном светало. Он снова полежал, успокаивая дыхание и пульс, затем встал, подошел к окну и выглянул во двор. В предрассветных сумерках хорошо были видны дорожки сада, присыпанные за ночь опавшей листвой.

«Однако, уже 30 сентября,» – подумал Иосиф Виссарионович, – «Что за чертовщина с этими кошмарами? Сроду со мной такого не бывало!». Он снова попытался понять, что же было причиной уже второго за одну ночь кошмара. Перебрав все события последних дней, он так и не вспомнил ни одного неприятного события. Была, конечно, какая-то бытовая мелочь, но все это так – ерунда. Самое главное, удался его гениальный план, ради которого он даже пошел на союз с этим вырожденком – Гитлером. Советские войска триумфально освободили исконно российские земли. Так и не поняв, что же послужило спусковым крючком кошмарных снов, он отправился досыпать.

Третий сон Иосифа Виссарионовича.

Маленький мальчик стоял на коленях в темном углу сельской церкви перед образом Богородицы в потускневшем серебряном окладе. Разбитый нечаянно соседкиной глиняный горшок вылился в порку, полученную от строгой матери, и долгую выстойку в церкви. Мать велела ему замаливать страшный грех – непослушание. И чего было этой клятой вороне усаживаться на изгородь рядом с соседкиным горшком? Метился из лука в ворону, а попал в горшок. Вот теперь стой в церкви и замаливай грехи, да еще с поротой задницей*.

На потемневшем от времени лице почти ничего нельзя было различить, и только глаза Богородицы сурово глядели на него. Грехи его были велики: ослушался мать, пытался убить живую тварь, разбил чужой горшок. Глаза с образа смотрели прямо в грешную душу. Ему представились жуткие муки грешников в аду: грешники в котле с кипящей смолой и рогатые черти с вилами вокруг. Стало страшно. Он смотрел прямо в глаза лику и повторял снова и снова «Отче наш». Постепенно глаза лика изменились, и сам лик посветлел – вскоре оказалось, что это уже не Богородица, а его любимая жена Надя смотрит на него с жалостью, качает головой, как бы говоря: «Ну что же ты Иосиф? Как же тебя угораздило?»**

Иосиф Виссарионович плавно выплыл из глубины сна. Световой контур четко обрамлял штору. За окном явно был светлый день. Последний сон, хотя и начался как кошмар, закончился светлым мотивом и оставил после себя тревожное ощущение. Полежав некоторое время, бездумно расслабляясь, он взял себя в руки. Снова пришла привычная ясность и четкость мысли. Наступил новый рабочий день.

Из ряда вон выходящее явление – три сна подряд за одну ночь, из которых два жуткие кошмары, требовало логического объяснения. За всю его долгую жизнь такого не случилось ни разу. Кошмары ему снились всего несколько раз в жизни, и всякий раз были вызваны болезнью.

Иосиф Джугашвили с подросткового возраста не верил ни в бога, ни в черта. Будучи закоренелым материалистом, он ни во что не ставил предсказания, гадания и всякие прочие «прозрения». Он верил только в свой собственный разум, в свою способность учесть все факторы, все рассчитать и сделать правильные выводы на будущее. Трезвая расчетливость до сих пор не подводила его. В интуицию он тоже не верил, по крайней мере считал, что сам ею не обладает. Во всяком случае, всегда предпочитал следовать расчету, а не предчувствию. Да и не бывало у него предчувствий. Однако, Иосиф Виссарионович считал себя хорошим психологом, знатоком ниточек, дергая за которые, можно управлять людьми. В его личной библиотеке было несколько трудов по психологии, некоторые из них он с интересом проштудировал. Читал и Фрейда, правда, в популярном изложении. Теорию Фрейда в целом считал чепухой, но мысли Фрейда о роли подсознания показались ему интересными.

Поскольку никаких материальных предпосылок для трех кошмаров подряд выявить не удалось, осталось предположить, что это штучки подсознания. Очевидно, – думал Иосиф Виссарионович, – подсознание дает мне понять, что я очень крупно просчитываюсь, причем просчет явно связан с Германией.

Своим важнейшим достижением последних лет Сталин считал договор с Германией – Пакт Молотова-Риббентропа, хотя это, конечно, был пакт Сталина – Гитлера. В самом деле, Германия из самого грозного врага СССР превратилась, практически, в союзника. Мало того, Гитлер оказался в состоянии войны с Англией и Францией, и теперь СССР имеет возможность как минимум два года модернизировать вооружения и реформировать армию. Имея в тылу Англию и Францию, Гитлер ни за что не рискнет напасть на СССР. Война на два фронта для Германии смертельна. Благодаря пакту СССР уже вернул исконные территории Российской империи, и вскоре вернет их все. А перспективы вообще головокружительны: когда Гитлер на несколько лет увязнет в войне с Англией и Францией, Германия истощит свои силы, вот тогда СССР и вступит в войну, и сколько коммунистических стран окажется в Европе по окончании этой войны, даже трудно себе представить. Он еще раз мысленно похвалил себя: «Ай да Сталин, ай да молодец!». Все это уже много раз продумано и просчитано.

СТОП! – пронзила его мысль. А не в этом ли причина снов? А не рано ли он перестал опасаться Гитлера? А вдруг, этот бесноватый все-таки нападет на нас? И не об этом ли предупреждает подсознание? Если нападет, все мои планы могут пойти прахом! Этого допустить нельзя ни в коем случае! Даже, если есть одна тысячная доля вероятности нападения Гитлера, к ней надо быть полностью готовым. Нельзя позволить Гитлеру испортить столь блестящие перспективы. Отсюда следует главный вывод на сегодня – подумал Иосиф Виссарионович – с возможностью нападения Германии нужно считаться и к ней нужно готовиться. Не нападет, ну и слава Марксу, все пойдет наилучшим образом. Как говорили древние: «Надейся на лучшее, готовься к худшему!».

Решение созрело, а созревшие решения он никогда не откладывал. Сталин встал с дивана, подошел к столу и позвонил Поскребышеву***, поручив ему собрать на 18 часов Политбюро с приглашением наркома обороны и начальника Генштаба. Затем позвонил Шапошникову и поручил подготовить доклад о возможных вариантах нападения Германии на Советский Союз, особо отметив вероятную внезапность нападения.

Примечание 1. Мать Иосифа Джугашвили отличалась суровым нравом и частенько была сына.

Примечание 2. По воспоминаниям соратников Сталин очень любил свою жену Надежду Аллилуеву. Ее самоубийство после ссоры с мужем 9 ноября 1932 года произвело тяжелейшее впечатление на Сталина. Некоторые считают ее самоубийство одной из причин психического сдвига Сталина, приведшего к террору. Очевидно, Сталин винил себя за смерть жены.

Примечание 3. Поскребышев А.Н. – заведующий канцелярией И. В. Сталина.

.2.

Крутой поворот. 30 сентября 1939 года. Заседание Политбюро ЦК ВКП(б).

Присутствуют:

Сталин И. В. – генеральный секретарь ЦК,

Берия Л. П. – нарком внутренних дел,

Молотов В. М. – Председатель Совета Народных Комиссаров,

Маленков Г. М. – секретарь ЦК,

Микоян А. И. – заместитель председателя СНК, нарком торговли,

Калинин М. И. – Председатель Верховного Совета СССР,

Ворошилов К. Е. – нарком обороны,

Вознесенский Н. А. – председатель Госплана СССР,

Шапошников Б. М. – начальник Генерального штаба РККА.

Вопреки заведенному порядку, заседание было созвано неожиданно, без объявленной заранее повестки дня и без назначения докладчиков. Это было необычно. Поэтому, большинство присутствующих ощущали некоторое беспокойство. Тем не менее, внешний вид и повадки хозяина вроде бы не предвещали ничего плохого. Появившийся, когда все уже собрались, Вождь не спеша прошелся вдоль стола, раскурил трубку, затем уселся на свое место и оглядел присутствующих.

...– Вчера мы с вами достойно отметили успешное завершение Польского похода и освобождение наших Белорусских и Украинских земель. Теперь пора подумать о будущем. Прежде всего, мне хотелось бы знать, каковы дальнейшие намерения нашего «друга Адольфа» – последние слова Сталин выделил иронической интонацией.

– Товарищ Молотов, что вы нам можете сказать по этому поводу?

– Товарищ Сталин, – начал, поднявшись из-за стола, Молотов. По моему мнению, как мы уже неоднократно обсуждали, Гитлер должен напасть на Францию. Другого выхода у него нет. Во-первых, он в состоянии войны с Англией и Францией. Во-вторых, Франция давний и заклятый враг Германии, а Гитлер обещал германскому народу взять реванш за поражение в Мировой войне. Нападение Германии, скорее всего, состоится следующей весной. По результатам переговоров с Гитлером и его окружением у меня сложилось именно такое мнение. Франция и Англия сами нападать на Германию не будут, они все еще надеются натравить Гитлера на Советский Союз.

– А почему бы Гитлеру и в самом деле не напасть на нас? – спросил Сталин.

– Нападение Германии на нас считаю невозможным по ряду причин. Во-первых. Это будет означать для Германии войну на два фронта, что для нее самоубийственно. Во-вторых, от нас Германия получает важнейшие виды сырья и продовольствие. В случае войны Германия всего этого лишается.

– Ну что же, спасибо, товарищ Молотов. А что нам известно от наших разведчиков? – Сталин остановил взгляд на Берии.

– По данным агентурной разведки, немцы начали вывод войск с территории Польши в сторону французской границы. На бывшей польской территории остаются только оккупационные части. Гитлер дал генштабу директиву о подготовке вторжения во Францию. О планах нападения Германии на Советский Союз разведке ничего не известно, – закончил Берия, упреждая возможный вопрос вождя.

– Так, так – покивал Иосиф Виссарионович – А какие данные у армейской разведки, обратился он к Ворошилову.

– Полностью подтверждаю слова товарища Берии. Большую часть авиации немцы уже вывели и перебросили на север и запад Германии.

Вождь несколько раз молча прошелся вдоль стены с картой Европы, затем спросил:

– Кто-нибудь считает, что Германия может напасть на Советский Союз, а не на Францию? – и, остановившись, обвел взглядом присутствующих соратников.

Соратники отмолчались.

– Я тоже сильно надеюсь, что Гитлер нападет на Францию, а не на нас. Для этого мы с ним и заключили договор. Но, полностью сбрасывать со счетов такую возможность я бы не стал. Борис Михайлович, расскажите нам вкратце, что думает Генштаб по поводу возможного нападения Германии.

Шапошников встал, подошел к карте, откашлялся, и начал свое сообщение.

– Германия может выбрать для нападения на СССР три стратегических направления. Центральное направление – сходящиеся удары из районов Бреста и Сувалок на Минск с целью окружения наших войск в Белоруссии и с возможностью дальнейшего наступления через Смоленск на Москву – он показал указкой на карте.

– Северное направление – удар через Прибалтику на Ленинград с целью захвата Ленинграда, уничтожения Балтийского флота и соединения с финнами как с возможными союзниками. Южное направление – из района Люблина на Киев с последующим поворотом вдоль Днепра к Черному морю с целью окружения наших войск в правобережной Украине. Румыния, вероятно, будет союзником Германии.* В дальнейшем возможен удар вдоль побережья Черного моря в сторону Крыма и Кавказа.

Одно из этих трех направлений будет избрано главным, на нем будут сосредоточены основные силы. На двух других направлениях будут наноситься удары меньшими силами. Генштаб полагает, что главным направлением будет центральное – через Белоруссию на Москву.

Вероятными союзниками Германии будут Румыния, Финляндия и Венгрия. Прибалтийские страны немцы просто пройдут насквозь без сопротивления. Генштаб предполагает, что Германия, если решит напасть, будет нападать сразу всеми силами, внезапно, полностью отмобилизованной армией и, скорее всего, без объявления войны, как они проделали это в Польше.** Нападение будет преследовать решительную цель: разгром войск всех наших западных округов и захват территории западных округов. Иначе для Германии никакого смысла нападать нет. Вот, вкратце, все.

– А почему вы считаете, что не будет, как в Мировую войну, сначала объявление войны, затем ограниченные боевые действия, потом мобилизация, и только затем полномасштабная война? – спросил Сталин.

– В этом случае война, неизбежно, станет затяжной, а Германия стоит перед жесткой необходимостью завершить войну быстро, иначе у Германии получится то же самое, что и в Мировую войну, а им это совершенно не нужно. Нападение если состоится, то состоится во второй половине мая, иначе не хватит времени до наступления осенней распутицы. Нападение ЕСЛИ будет, то будет сразу ВСЕМИ СИЛАМИ и с решительными целями. Иначе им нет смысла и огород городить.

– Ну, а как Вы считаете, решится Гитлер на такое? – Снова спросил Вождь.

– Определять, решится Гитлер или не решится, это дело политического руководства, а дело Генштаба – предусмотреть такую возможность и быть к ней готовым, – четко ответил Шапошников.

– Да, невеселую картину нарисовал Борис Михайлович. – задумчиво произнес Иосиф Виссарионович.

– Я считаю, не будет этого – с места возразил Молотов. Гитлеру не выгодно нападать на нас, да и риск для него слишком велик!

– Ну, что же, я и сам считаю, что Гитлеру нет смысла нападать на нас, но исключить совсем такую возможность мы не можем. Гитлер известный авантюрист и наглец. Он может, по свойственной ему наглости, понадеяться разгромить наши войска в одной летней компании, а затем заключить мир по типу Брестского***. Следовательно, к такой возможности мы должны быть готовы. Не нападет, ну и хвала аллаху, а если, все таки рискнет напасть, мы должны встретить его во всеоружии. Правильно я думаю, товарищи? – Сталин снова обвел взглядом всех присутствующих.

Никто не возразил.

– В таком случае соберемся по этому вопросу ровно через неделю. Дополнительно прошу пригласить заместителей наркома обороны, наркома флота, наркомов тяжелой промышленности и вооружений, и вызовите из Монголии комкора Жукова(*4). Он единственный из наших военачальников, кто получил настоящий опыт современной войны. Всех присутствующих и приглашенных товарищей прошу подготовить, каждого по своей зоне ответственности, предложения по отражению возможной агрессии Германии. На этом предлагаю закончить.

Примечание 1. В текущей реальности Генштаб правильно предугадал направления будущих ударов Вермахта.

Примечание 2. В нашей реальности все планы Генштаба исходили из постепенного нарастания боевых действий, и предполагали вступление в войну главных сил с обеих сторон не ранее двух недель после начала конфликта. Логически понять такую предпосылку планирования невозможно.

Примечание 3. «Брестский мир» – договор между Советской Россией, Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, который был заключен 3 марта 1918 г. По договору от России отторгались Прибалтика, Закавказье, часть Белоруссии, часть Украины. На Россию была наложена большая контрибуция.

Примечание 4. Фактически, Жуков был вызван из Монголии и назначен на должность командующего Киевским особым военным округом только в мае 1940 года, когда по итогам финской компании Сталин осознал слабость высшего командного состава Красной Армии. Тогда же Тимошенко заменил Ворошилова в должности наркома обороны.

0.3. Комкор Серпилин П. Ф.

За окном купе пробегали голые заснеженные деревья, за ними медленно проплывали под неподвижным серым небом пустые белые поля. До Бреста оставалось меньше часа. В голове комкора Серпилина вновь и вновь возникали события прошедших двух месяцев.

Утром 14 октября его фамилию выкликнули на разводе и приказали явиться в комендатуру. Полтора года назад, когда он прибыл по этапу в лагпункт № 34 Норлага, ему крупно повезло. Как говорится, нет худа без добра. Два ребра, сломанных ему ретивым следователем на допросах, которым добросовестные конвоиры не давали как следует срастись регулярными тумакami, обеспечили ему хрипы в легких и кровохарканье. В результате лагерный врач заподозрил туберкулез и определил его не в шахту, а в легкотрудную команду, которая работала на поверхности. Коротким северным летом – заготовка дров, а зимой – непрерывная расчистка дорог от снега. Несмотря на 50-градусные морозы, это было значительно лучше, чем шахты. В

забоях даже здоровые молодые парни сгорали за 5-6 месяцев. В свои 42 года, он загнулся бы еще быстрее. А так – он протянул в лагере полтора года и даже сохранил остатки здоровья.

В бараке комендатуры замначлагеря объявил, что дело будет пересматриваться и его направляют по этапу. В вагонзаке свободных мест не было, все камеры были заняты эками – бывшими командирами армии и флота, и все этапировались для пересмотра дел. В Москве на Лубянке он просидел всего двое суток, его даже ни разу не допросили. За то, на третий день с утра, следователь – майор НКВД, усадив его на стул и напоив настоящим крепким и сладким чаем, объявил, что его дело пересмотрено, все обвинения сняты и, за отсутствием состава преступления, он подлежит немедленному освобождению. Через два часа, проведенных в бане, парикмахерской и столовой там же в здании на Лубянке, он вышел из тяжелых дверей на площадь Дзержинского в своей старой форме, со своими старыми документами, со своим старым чемоданчиком в руках и с направлением в Управление кадров наркомата обороны.

Еще через 40 минут его по дружески принял инспектор по кадрам, генерал-майор Бабанов Егор Валерьевич, оказавшийся старым знакомым еще по службе в Средней Азии. Бабанов до слез обрадовал его, сообщив, что «ветер переменился», и всех, кто уцелел, выпускают либо за отсутствием состава преступления либо по амнистии. Сердечно пообщавшись со старым сослуживцем, Серпилин получил направление на обследование в Центральный госпиталь РККА. Спустя неделю, он был признан годным к строевой, получил в наркомате зарплату за два года, отпуск на 10 дней к семье в Одессу и путевку в санаторий в Кисловодск на 24 дня.

После санатория, заполненного такими же, как он бывшими лагерниками, а ныне снова командирами РККА, Павел Федорович снова побывал у Бабанова и получил назначение командиром стрелкового корпуса, дислоцированного в Бресте. Побывал в генштабе у другого своего старого знакомого – заместителя начальника оперативного отдела Генштаба Василевского, который обрисовал ему общую обстановку и задачи вверенного стрелкового корпуса. И наконец, удостоился приема у Главкома западного направления, высоко взлетевшего за два года, генерал-полковника Жукова. С Жуковым лично он ранее не встречался, но общие знакомые, конечно же, нашлись. Несмотря на репутацию крайне жесткого человека, Главком обошелся с ним вполне по-товарищески. Жуков еще раз обозначил ему задачи корпуса, подчеркнув, что использование стрелкового соединения для рассредоточенной обороны обширной территории предполья весьма необычно и в типовых уставах не прописано, а потому требует инициативы, самостоятельности и творческого подхода. Причем от командиров всех уровней, начиная с командира взвода. Подчеркнув особую важность задачи, которую должен решить корпус, отметив, что Серпилина рекомендовали на эту должность их общие знакомые, именно как самостоятельного и нестандартно мыслящего командира, Жуков заключил, что очень надеется на Серпилина. Но, если к 30 апреля корпус не будет полностью готов к выполнению задачи, то последуют любые меры, вплоть до возвращения Серпилина в исходное состояние. Он, Жуков, лично отвечает перед товарищем Сталиным, а Серпилин точно также отвечает перед ним. Павел Федорович ответил, что ситуацию понимает абсолютно, доверие или полностью оправдает или застрелится сам.

Заехав в Минск в штаб Западного округа и представившись командующему округом, он получил приказ о боевых задачах корпуса и в тот же день отбыл в Брест. Стрелковый корпус № 28 после участия в освободительном походе в Польшу расквартировался в Бресте и его окрестностях в бывших казармах польской армии. В корпус входили 6-я, 42-я, 75-я стрелковые дивизии и 3 корпусных артполка. Все части корпуса укомплектованы на 100%, но по старым штатам.

По задумке Генштаба, согласно указаниям Главкома Жукова и приказу округа, корпус должен был всемерно затруднить и замедлить продвижение вероятного противника (самой собой – немцев), через территорию предполья между новой и старой границами. Для этого, рассредоточившись на батальоны, роты и даже взводы, корпус должен был создать узлы обо-

роны во всех ключевых точках местности, обойти которые противник не мог, а именно – мосты, броды, дефиле и узлы дорог.

Главной задачей ставилось именно замедление продвижения. Нанесение противнику потерь указывалось как менее важное, нежели получение выигрыша во времени для мобилизации стратегических резервов. Корпус должен был оборонять огромную территорию: от новой до старой границы – 300 км с запада на восток, и от припятских болот до линии Семятыче, Волковыск, Лида – 200 км с юга на север. Другими словами, это территория на 100 км влево и вправо от магистрали Брест – Минск.

В Бресте Серпилина встретили и привезли в штаб корпуса. Через двое суток, 20 декабря 1939 года, он и генерал-майор Попов В. С., назначенный командиром корпуса на главном стратегическом рубеже, подписали акт приема-передачи командования. За двое суток они, вместе с начальником штаба корпуса полковником Дерюгиным Я. П., объехали все полки корпуса, благо все они размещались невдалеке от Бреста.

Первым приказом по корпусу Серпилин определил зоны ответственности каждой из трех дивизий корпуса. 49-я сд получила зону к югу от магистрали Брест – Минск до припятских болот по линии Влодава – Пинск – Солигорск. Штаб дивизии размещался в Малорите. 42-я сд обеспечивала оборону железнодорожной и автомобильной магистралей Брест – Минск и полосу в 10 км в обе стороны от них. Для размещения штаба дивизии выбрана Жабинка. 75-я сд контролировала зону к северу от магистрали до линии Семятыче – Волковыск – Лида, штаб перемещался в поселок Высокое. Штаб корпуса по приказу передислоцировался из Бреста в Кобрин. Штабам дивизий в приказе поручалось в семидневный срок провести рекогносцировку и составить перечень «критических точек» местности, которые необходимо было оборонять.

По замыслу Серпилина, все «критические точки» делились на 4 уровня:

А. Низкий уровень – мосты на второстепенных дорогах на малых реках;

Б. Средний уровень – все мосты и броды на средних реках и мосты через малые реки на главных дорогах, дефиле на главных дорогах;

В. Высокий уровень – мосты через средние реки на главных дорогах, узлы дорог;

Г. Высший уровень – мосты через крупные реки на главных дорогах и узлы главных дорог.

В точках низкого уровня Серпилин предполагал построить опорные пункты стрелкового взвода. В опорных пунктах среднего уровня должна обороняться полурота в составе стрелкового взвода и опорного взвода. Точки высокого уровня должна защищать полная стрелковая рота. В точках высшего уровня Павел Федорович планировал построить опорный пункт для двух рот – опорной и стрелковой.

Серпилин особо оценил стратегическую значимость Брест-Литовской крепости. Недалеко еще в царское время, с 1829 по 1914 годы эта крепость непрерывно строилась, расширялась и укреплялась. Находясь на пересечении старинных торговых путей, город Брест, ранее Брест-Литовск, стал с годами крупнейшим транспортным узлом. Из города во всех направлениях расходились 5 железных и 6 автомобильных дорог. Вблизи города на реках Западный Буг, Мухавец и Лесная эти дороги проходили по 14 мостам. Расположив в крепости артиллерию, можно было полностью пресечь все транспортные перевозки вероятного противника по всем дорогам и лишить его возможности пользоваться всеми мостами. В крепости комкор решил разместить усиленный артиллерией стрелковый батальон.

Штабу корпуса поручалось разработать типовые проекты опорных пунктов всех четырех уровней.

29 декабря из дивизий поступили списки критических точек с их схематичными планами и краткими описаниями. 31 декабря Серпилин утвердил приказом перечень точек, подлежащих обороне, с разбивкой по уровням. Всего было утверждено 214 взводных точек, 54 полу-

ротных точки, 14 ротных и 7 важнейших точек. То есть, Серпилин решил обеспечить оборону максимально возможного количества критических точек, сознательно идя на ослабление сил в каждой конкретной точке.

Даже один стрелковый взвод, занимая хорошо укрепленный опорный пункт, сможет отбиться от передового отряда противника, вынудит его дожидаться подхода главных сил, подтягивать артиллерию, разворачиваться из походного порядка в боевой и атаковать по всем правилам. При угрозе захвата противником обороняемого объекта, гарнизон должен был взорвать объект, оторваться от противника и отступить по одному из заранее разведанных маршрутов.

2 января штабы дивизий получили приказ готовить места для расквартирования подразделений вблизи от выбранных критических точек, схемы организации связи опорных пунктов с командными пунктами батальонов и полков и схемы снабжения гарнизонов опорных пунктов. Каждый батальон и полк получили свою зону ответственности.

Штабам полков поручалась привязка типовых проектов оборонительных укреплений в опорных пунктах к местности и установление контактов с местной администрацией на предмет получения строительных материалов и рабочей силы. В приказах указывался срок завершения всех предварительных мероприятий – 31 января. С 1 по 15 февраля все гарнизоны опорных пунктов должны были перебазироваться на новые места расквартирования и приступить к заготовке стройматериалов для строительства дерево-земляных оборонительных сооружений.

Весь остаток декабря и январь подразделения и части реформировывались под новые штаты, хотя новое вооружение должно было поступить только феврале – марте. Серпилин очень надеялся, что корпуса охранения предполя будут укомплектованы новым вооружением в первую очередь. Он обратился в штаб округа и лично к Главкому Жукову с просьбой заменить 3 имеющихся полка корпусной артиллерии на 6 полков противотанковой и дивизионной артиллерии, учитывая специфические задачи корпуса. Кроме того, комкор просил обеспечить корпус сверх штата радиостанциями, телефонными аппаратами, противотанковыми и противопехотными минами, проволочными заграждениями, взрывчаткой, дистанционными взрывателями и проводами.

Примечание. В 1937 – 1938 годах из армии было уволено и в значительной части репрессировано более 40 000 человек командного состава – 90% командиров, начиная с уровня заместителя командира полка и выше (см. (44) стр. 59). В сочетании с пятикратным количественным ростом армии в период с 1936 по 1941 год это привело к острейшей нехватке квалифицированного комсостава (см. (44) стр. 67-69). В альтернативной истории в конце 1939 года дела всех осужденных по политическим статьям командиров РККА и РККФ были пересмотрены. Большая часть осужденных освобождены за отсутствием состава преступления, либо по амнистии.

Часть 1. Батальон.

1.1. Новый год.

Играл духовой оркестр. Пахло еловой хвоей, бенгальскими огнями, гуталином, духами, сгоревшим порохом хлопушек и свежей выпечкой. В гарнизонном Доме Красной Армии праздновали Новый 1940-й год. Под бравурные звуки вальса по паркету кружились пары. Скользя по натертому паркету начищенными хромовыми сапогами, скрипя новенькими португезами, вальсировали краскомы из 28-го стрелкового корпуса. Их дамы – супруги у женатых и приглашенные девушки у холостых, блистали заграничными платьями и модными туфельками. Все были счастливы.

За уходящий год Красная армия одержала блестящие победы. Освобождены из-под гнета капиталистов народы западной Украины и западной Белоруссии. Разгромлены на Халхин-Голе

японские империалисты. Командиры Красной Армии законно этим гордились. Их жены красовались модными, купленными у местных польскими нарядами, косметикой и духами. Местные девушки, удостоившиеся приглашений на новогодний вечер, были счастливы от перспектив замужества с командирами победоносной армии, которых про себя по старинке называли офицерами.

Хотя, были и основания для беспокойства. Шепотом рассказывали о больших потерях Красной Армии в Финляндии. Ходили слухи о том, что все воинские части из Бреста вскоре будут выведены и расквартированы по деревням, а то и в чистом поле. Последний слух сильно не нравился командирским женам. Да и командирам переселяться из крупного города в избы не хотелось. В Бресте все части размещались в благоустроенных казармах еще царской армии, а командиры и вовсе квартировали в городе в частном секторе.

Только штабники дивизий и корпуса точно знали, что насчет передислокации – это вовсе не слухи. Всю предновогоднюю декаду штабы трудились в поте лица, проводя рекогносцировки на местности. Командир корпуса Серпилин, открывая торжественную часть новогоднего вечера, много говорил о повышении выучки и боеготовности, о воспитании личного состава в духе верности делу Ленина – Сталина, но не сказал ничего конкретного. Однако, высший состав корпуса знал, что подготовлен приказ о передислокации всех подразделений корпуса, и этот приказ будет доведен до личного состава послезавтра – 2-го января 1940 года.

Капитан Гаврилов, невысокий темноволосый крепыш, командир 2-го батальона 216 стрелкового полка 42 стрелковой дивизии лихо кружил свою дражайшую половину – Юлечку в вихре венского вальса. Дети – Кирюша и Лиза остались дома под присмотром квартирной хозяйки пани Эльжбеты. Гаврилов ничего не знал о предстоящих переменах, и беззаботно отдавался празднику. Тридцатилетний капитан и после семи лет законного брака все также обожал свою красавицу жену. Все неотложные дела по размещению личного состава, налаживанию быта и организации учебы подразделений за три месяца, прошедшие после завершения освободительного похода, уже были выполнены. Юлечка тоже была на седьмом небе. Впервые она блистала в столь высоком собрании – на праздник в Дом Красной Армии, занимавший здание бывшего дворянского собрания, были допущены командиры, начиная с замкомбата и в небольшом количестве лучшие из ротных. Купленное на рынке приталенное крепдешиновое платье обвивало стройную фигурку Юли, не потерявшую форму после двух родов.

В буфете ДКА командиры угощали своих дам дефицитным новосветским шампанским и бутербродами с черной икрой. Праздник удался. Но, в 24-00 вечер закончился. В буфете же командиры 2-го батальона сговорились пойти продолжать праздник на квартиру к комроты-2 Галицкому. Он был холост и снимал две комнаты с отдельным входом в частном доме. Там вместе с женами и подругами «гудели» до четырех часов. Усугубили шампанское армянским коньяком. Домой Ивану Васильевичу Гаврилову помогала идти его верная жена.

1.2. Новые задачи.

Первого января отсыпались все, кроме дежурных по подразделениям и караулов. Командиры, собравшись после обеда в расположении, снова приняли на грудь для поправки здоровья. День прошел в вялой полудреме. Утром второго Гаврилова разбудил посыльный из штаба полка с указанием явиться в 10-00. Голова все еще побаливала, но после стакана рассола и тарелки наваристого борща все наладилось. В штаб комбат явился вполне боеспособным. Там уже собрались все комбаты и большая часть ротных. Ротных из его батальона не вызвали. Это настораживало. Появившийся в сопровождении начштаба и замполита, комполка майор Матушкин, зачитал приказ, поступивший из дивизии. Все разъяснилось.

Все части и подразделения дивизии выводились из Бреста и рассредоточивались повзводно по опорным пунктам, которые еще надлежало построить. Больше всех повезло батальону Гаврилова – он оставался в крепости, где и должен был подготовить оборону. Повезло

также первому батальону. Его взводы распределялись по внешним фортам крепости, где имелись готовые казармы и укрепления. Третий батальон рассредоточивался вообще в чистое поле и должен был строить опорные пункты у мостов через реки. Подразделения батальона боевой поддержки распределялись по всем опорным пунктам.

На вопрос комбата-3 Шагиняна:

– За что же Гаврилову такая малина? – комполка ответил:

– Личное распоряжение комкора. 2-ой батальон отличился при штурме форта Берг*, вот комкор его и выделил. А первый батальон у нас лучший по боевой и политической подготовке. Все ясно?

Историю с фортом Берг помнили все. Когда 28-й корпус, тогда еще под командованием генерала Попова, принял окрестности Бреста у немцев, оказалось, что в форту засели поляки, числом около роты. Немцы их оттуда выбить так и не смогли. К полякам послали парламентарера и предложили сдаться. Те отказались. На них двинули батальон из соседнего полка при поддержке роты броневых автомобилей. Два автомобиля поляки зажгли из бронебоек и пулеметами отбили наступавший батальон. Наши подтянули полковые средства. На следующий день долго лупили по форту из полковых пушек и минометов. Однако, упорные поляки опять отбили батальон, нанеся ему потери. Решили подтянуть к форту дивизионный арtpолк. Полдня долбили форт дивизионными пушками, гаубицами и минометами. Казалось – сровняли с землей. Но, когда батальон пошел в атаку, поляки подпустили пехоту вплотную ко рву и снова уложили наступавших на землю. Потери на этот раз были серьезными.

На следующий день по форту работала уже корпусная артиллерия. Разгневанное начальство отвело в тыл потрепанный батальон, вместо него послали батальон Гаврилова. После мощного артобстрела Иван лично повел своих бойцов в атаку. Наступали короткими перебежками от воронки к воронке, благо все поля вокруг форта были ими усеяны. Казалось, после обстрела корпусными шестидюймовками, в форту не могло остаться ничего живого, однако на подходе ко рву, бойцов снова встретили меткие очереди неподавленных польских пулеметов. Комбат скомандовал отход.

На следующее утро поляки выбросили белый флаг. Батальон занял форт без выстрела. В глубоких казематах обнаружили полсотни убитых и около трех десятков раненых поляков, остальные сумели ночью просочиться мимо выставленных караулов и незамеченными уйти. Об этом Иван доложил командованию. Полк так и доложил в дивизию, а те – в корпус: форт захвачен, взяты пленные. Вроде бы, не погрешили против истины. Все довольны. Гаврилова отметили в приказе по корпусу. Вот что значит оказаться в нужное время в нужном месте.

Осмотрев форт, Иван убедился, что казематы выдержали массированный обстрел корпусной артиллерии. Все потери поляки понесли от прямых попаданий снарядов, пуль и осколков в амбразуры. Броневые заслонки из амбразур были давным-давно демонтированы.

Весь остаток дня Гаврилов просидел в штабе батальона с заместителем и начальником штаба над планом крепости, продумывая задачи ротам. Опыт штурма форта Берг показывал, что в крепости можно было вполне успешно обороняться. Крепость Бреста** состояла из Цитадели*** и трех окружающих ее укреплений. Поэтому с размещением рот вопросов не возникало: по одной стрелковой роте в каждом укреплении, штаб и командный пункт в Цитадели. Вооружение пулеметной и минометной рот распределялось между тремя укреплениями примерно поровну.

Вопрос был в размещении приданной артиллерии. А ее батальону придали щедро. Целый сводный артиллерийский батальон: 6 корпусных пушек калибра 107 мм, 9 дивизионных гаубиц калибра 122 мм, 6 трехдюймовых дивизионных пушек, 18 противотанковых сорокопятков, плюс 15 дивизионных минометов. Да еще зенитки: 3 трехдюймовых, 6 автоматов калибра 37 мм, 15 крупнокалиберных пулеметов. Общая численность артиллеристов со взводами управ-

ления: зенитным, артиллерийским и минометным – 590 человек, ненамного меньше, чем в самом стрелковом батальоне.

Собственно, задачей батальона Гаврилова и было прикрытие артиллерийской группировки, размещаемой в крепости. Командир сводного артиллерийского батальона капитан Иваницкий с заместителем тоже присутствовали. По штату Иваницкий был заместителем командира дивизионного артполка. Задачи ему должен был ставить штаб дивизии, но по вопросам обороны крепости Иваницкий подчинялся Гаврилову. Наметили несколько вариантов размещения артиллерии и вечером разошлись.

Гаврилов наконец порадовал жену, которая весь день переживала по поводу слухов о передислокации – семья оставалась жить в городе. Юлия была счастлива. Квартирная хозяйка – тоже. Квартиплата оставалась при ней.

Утром 2-го января, по дороге из города в крепость повстречал нескольких знакомых командиров из танковой дивизии. Оказалось, что их тоже передислоцируют на восток – аж за старую границу.

С утра поставил задачи ротным, поручил начштаба Музалевскому провести обследование всех оборонительных сооружений крепости на предмет размещения в них огневых средств батальона, а сам с Иваницким и его замами пошел смотреть возможные точки размещения артиллерии.

По периметру всю крепость окружали глубокие рвы и массивные земляные валы, внутри которых располагались многочисленные казематы с толстыми кирпичными стенами и перекрытиями. Жилые помещения, имевшие полутораметровые кирпичные стены, размещались под шестиметровой толщей земли внутри валов на уровне грунта. Под ними располагался ярус подвалов, служивших складами снаряжения, боеприпасов и продовольствия. Проходы во внутренние помещения валов строители крепости устроили на их внутренней стороне, на наружные скаты валов выходили амбразуры орудийных и пулеметных казематов.

Центральный остров, или Цитадель, по периметру окружало двухэтажное кольцевое здание казарм, имеющее кирпичные стены двухметровой толщины и глубокие сводчатые подвалы. Внутри кольца крепостных валов располагались многочисленные кирпичные здания с глубокими и прочными подвалами. На территории Кобринского укрепления за северными и восточными воротами крепости, имелись два больших подковообразных укрепления – Восточный и Западный форты, имевших еще более прочную конструкцию, чем внешние валы.

Несмотря на то, что цитадель крепости строилась еще в прошлом веке, подвальные казематы кольцевой казармы представляли собой весьма прочные сооружения, повредить которые могли только авиабомбы весом 100 кг или снаряды калибром не менее 200 мм. До жилых помещений под толщей земляных валов могли достать только авиабомбы калибром 500 кг и более.

Проще всего было с противотанковыми и дивизионными пушками, основным назначением которых будет борьба с танками противника. Их в первом приближении можно распределить поровну по три трехдюймовки и по шесть сорокапятки между трех укреплений крепости. Внутри крепостных валов имелись прочные артиллерийские казематы с двухметровыми стенами, защищенные толстыми земляными насыпями. Пушки можно было разобрать, затащить в казематы и там снова собрать. Амбразуры казематов обеспечивали возможность ведения фланкирующего и лобового огня по противнику. Сорокапятки решили разместить в равелинах и боковых фасах бастионов для фланкирующего огня, а дивизионные трехдюймовки – в куртине для фронтального. Однако, многие казематы были повреждены при штурме крепости немцами в сентябре, во многих заделаны амбразуры для использования казематов под склады, а то и просто заплыли грунтом за столько лет. Для выяснения исправности казематов требовалось их полное обследование.

Зенитные пушки логично было расположить во дворе цитадели, подготовив для них глубокие артиллерийские дворики. Там же – дивизионные минометы. Зенитные пулеметы – поровну в трех укреплениях, также в заглубленных двориках.

Дольше всего выбирали место для корпусных пушек и гаубиц. В конце концов, решили поставить их в артиллерийских казематах первого этажа кольцевой казармы, укрепив ее стены снаружи земляными насыпями.

Командные пункты и штабы артиллерийского и стрелкового батальона с удобствами размещались в казематах кольцевой казармы Цитадели, наблюдательные пункты – на колокольне крепостной церкви и в надвратных башнях.

Немалую часть времени командиры гадали: с чего бы это корпусу поставили такую странную задачу, не прописанную ни в одном уставе. Охрана мостов – это же прямая функция войск НКВД. Если надвигается война с Германией, то выводить все соединения за старую границу нелогично: не отдавать же противнику территорию, освобожденную в сентябре! Если войны с Германией не ожидается, то зачем рассредоточивать корпус по опорным пунктам? Ни к какому выводу не пришли. Решили, что это тайны высокой стратегии, и бросили ломать голову.

Примечание 1. В ходе германо-польской войны части 10-й танковой дивизии XIX армейского корпуса генерал-лейтенанта Г. Гудериана 14 сентября 1939 г. захватили город Брест. Польский гарнизон крепости состоял из четырех маршевых батальонов, двух караульных батальонов, сапёрного батальона, роты связи, двух артиллерийских батарей, и двух танковых рот, общей численностью около 4 тысяч солдат и офицеров при 36 легких танках и 26 орудиях под командованием генерала К. Плисовского. Несмотря на подавляющий перевес немецких войск, поляки удерживали крепость с 14 по 17 сентября. В ночь на 18 сентября уцелевшие поляки в количестве около 2000 человек прорвались из крепости в сторону поселка Кодень. 22 сентября к Бресту вышли советские войска. 23 сентября Брест и крепость были переданы немцами Красной Армии, как это и было предусмотрено пактом Молотова – Риббентропа.

Однако, часть солдат польского гарнизона под командованием капитана В. Радзишевского по собственной инициативе решили продолжать оборону и после прорыва из крепости заняли один из внешних фортов крепости – форт Берг. Немцы выбить их оттуда не смогли и передали эту проблему Красной Армии. Поляки отказались сдаваться и храбро сражались против советских войск с 22 по 26 сентября. В ночь на 27 сентября остатки гарнизона прорвались из форта. Радзишевского впоследствии арестовали в Бресте, куда он пробрался к своей семье. Отважный капитан погиб в Катынских лагерях.

Примечание 2. Крепость Брест-Литовск проектировалась, сооружалась и модернизировалась с 1829 по 1914 годы. К началу первой мировой войны она состояла из Цитадели и трех обширных укреплений, образующих главную крепостную ограду и прикрывающих Цитадель со всех сторон: Волынского (с юга), Тереспольского (с запада), Кобринского (с востока и севера). С внешней стороны крепость была защищена бастионным фронтом – крепостной оградой (земляной вал с кирпичными казематами внутри) 10-метровой высоты, протяженностью 6,4 км и обводным каналом, заполненным водой. Толщина земляной насыпи над казематами равнялась 6 метрам, а толщина кирпичных перекрытий и стен – полтора метрам. Общая площадь крепости 4 км² (400 гектаров).

Цитадель представляла собой естественный остров, по всему периметру которого была построена сомкнутая двухэтажная оборонительная казарма с глубокими сводчатыми подвалами протяженностью 1,8 км. Толщина наружных стен достигала 2-х метров, внутренних – до 1,5 метров. Казарма состояла из 500 казематов, в которых могло разместиться до 12 тысяч воинов с боеприпасами и продовольствием.

Цитадель соединялась с другими укреплениями с помощью мостов и ворот: Брестских, Холмских, Тереспольских и Бригидских. За пределы крепости выводили Южные (Николаевские), Восточные (Михайловские), Северные (Александровские), Северо-Западные (Графский проезд) ворота и Варшавский проезд. В 1876 г. в Цитадели была построена православная Свято-Николаевская церковь.

Кобринское укрепление состояло из 4-х бастионных фронтов с тремя рavelинами и тремя казематированными редюитами в бастионах.

Волынское укрепление состояло из 2-х бастионных фронтов с двумя рavelинами с казематированным редюитом в бастионе.

Тереспольское укрепление состояло из 4-х бастионов, соединённых общим рвом. В бастионах были казематированные редюиты. За бастионами было расположено отдельное предмостное укрепление.

Во второй половине XIX века в целях противодействия обходу крепости противником и затруднения её блокирования стали создавать отдельные мощные оборонительные укрепления – форты. В 1864 г. началась реконструкция крепости по плану, разработанному известным русским фортификатором генерал-адъютантом Э.И.Тотлебенем. Согласно этому плану, Брестскую крепость планировалось превратить в крепость фортового типа. Непосредственно в крепости были проведены работы по утолщению главного вала, приведены в порядок редюиты. В Кобринском укреплении построены два редюита позади двух бастионов Кобринского укрепления. В Красной Армии эти редюиты обычно именовались Западным и Восточным фортами. Строились казематированные артиллерийские батареи, капониры, дополнительные пороховые погреба.

Строительство кольца фортов вокруг крепости началось в 1869 г. с постройки форта «Граф Берг» в километре к северо-западу от крепости с целью контроля над участком железной дороги Варшава-Москва и железнодорожным мостом через реку Буг. В 1878 г. был утверждён план, по которому предполагалось строить форты на расстоянии 3-4 км друг от друга и на таком же расстоянии от главной ограды крепости. На протяжении 10 лет шло строительство 9 фортов первой линии. Каждый получил номерное обозначение от «1» до «9». В каждом из фортов можно было разместить до 250 солдат и 20 орудий. Протяжённость оборонительной линии достигла 30 км.

С 1909 г. приступили к разработке проекта усиления Брест-Литовской крепости. В 1912 г. Комитет Генерального штаба утвердил план переустройства, согласно которому обвод крепости увеличивался до 45 км. Вторую линию фортов предполагалось возвести в 6-7 км от центра крепости. Новые форты имели литерное обозначение: от литеры «А» до литеры «О». К работам приступили только в 1913 г. К концу 1914 г. на внешней линии крепостной обороны было: 14 фортов, 21 промежуточный опорный пункт, 5 оборонительных казарм, 7 пороховых погребов, 38 артиллерийских батарей. В крепости и фортах могло обороняться до 20 тысяч воинов при двух тысячах артиллерийских орудий. При отступлении русской армии от Бреста в 1915 году некоторые укрепления были взорваны.

Примечание 3.

Цитадель – внутреннее [укрепление крепости](#), имеющее самостоятельную [оборону](#), являющееся общим [редюитом](#) крепости и служившее последним [опорным пунктом](#) для [гарнизона](#) крепости в случае падения основных её укреплений.

Куртина – средняя часть крепостного бастионного фронта, соединяющая смежные бастионы. Куртиной также называют основной ограждающий вал крепости в целом.

Каземат – отдельное внутреннее помещение в укреплённом фортификационном сооружении, защищённое от вражеского артиллерийского огня и бомбардировки и служащее для

размещения [гарнизона](#), складов боеприпасов, продовольствия, а также артиллерийского и стрелкового [вооружения](#).

Бастион – пятистороннее долговременное укрепление, возводившееся на углах [крепостной](#) ограды. Представляет собой укрепление с двумя [фасадами](#) (передними сторонами), двумя [фланками](#) (боковыми сторонами) и открытой [горжей](#) (тыльной стороной). Обращённые друг к другу части двух соседних бастионов и соединяющий их участок ограды – куртина – образовывали бастионный фронт.

Равелин – фортификационное сооружение треугольной формы, располагавшееся перед куртиной впереди крепостного рва в промежутке между бастионами, служащее для перекрёстного обстрела подступов к крепостному обводу, поддержки своим огнем соседних бастионов.

Редюит – внутреннее укрепление, сооружаемое в сомкнутых укреплениях для их усиления. Под редюитом понимается также последний оборонительный [опорный пункт](#) в виде малого укрепления, помещённого внутри другого, более обширного, являющийся последним оплотом обороняющихся.

Форт – большое замкнутое [укрепление](#), составная часть внешней линии [оборонных сооружений крепости](#), а также укрепленного района.

Горжа – укрепление на тыльной стороне бастиона, равелина.

1.3. Суета.

Четвертого числа Гаврилов планировал поработать с ротными командирами по уточнению размещения огневых средств рот. Этим планам не суждено было сбыться. Успел только утвердить график несения и маршруты караулов, потому, что с 4-го числа ответственность за охрану крепости со всем находящимся в ней имуществом возлагалась на его батальон. В приказе по корпусу он лично был поименован ответственным за приемку помещений и имущества у подразделений и частей, покидающих крепость. Именно четвертого начинался вывод из крепости подразделений, не входящих в 28-й корпус.

Около полудня его выдернул командир саперного батальона танковой дивизии с требованием принять у него казарму. И понеслось! Полчаса ругался с ним, требуя убрать кучи хлама, оставленные в казарме и рядом с ней. Только после угрозы настучать его комдиву, удалось заставить саперов наводить порядок. Гаврилов понимал, что если не настоять, ему придется самому выгребать мусор за всеми выходящими частями. А в крепости дислоцировались четыре стрелковых полка двух дивизий, два артполка, автобат, батальон войск НКВД, тюрьма НКВД, армейские госпиталь и школа младших командиров, окружная школа шоферов, корпусные и армейские склады и куча других мелких подразделений. Все подразделения, не входящие в 28-й корпус должны были покинуть крепость до 21-го января. По этой причине начальство выпихивало всех из крепости буквально пинками. Все были злы, орали и матерились. Однако капитан упорствовал, отказываясь подписывать акты сдачи-приемки помещений и описи находящегося в них имущества.

На следующий день он вынужден был привлечь к приемке помещений обоих своих замов. Они проводили первичную проверку, и приносили завизированные акты на подпись. Только, редко это случалось. Для убывающих из крепости полковников, подполковников и майоров его подчиненные старлей и политрук были не авторитетны. Приходилось идти разбираться самому. Да и капитанский чин Гаврилова задачу не сильно упрощал. Приходилось трясти подписанным лично комкором приказом о порядке сдачи-приемки помещений. Только угроза пожаловаться в штаб корпуса действовала на самых рьяных.

Больше двух недель комбат с замами только этим и занимался. Домой приходил только на ночь, усталый, охрипший и злой. Пытался жаловаться командиру полка, тот его отшил, заявив, что в связи с предстоящим выводом подразделений дел у всех невпроворот, а у Гаврилова, как остающегося в крепости, дел меньше всех. Понять его было можно. В первых числах фев-

раля планировался вывод из крепости всех подразделений полка, кроме батальона Гаврилова. В штабе дивизии ответили примерно также. Некоторые командиры убывающих частей пытались вывозить из казарм мебель, двое – даже снять в казармах двери и окна. Этот ад продолжался две недели. Лишь после двадцатого числа смог пройти по ротам и посмотреть, как все устроились на новых местах, каждая рота в своем укреплении. С этим как раз проблем не было. Места в казармах освободилось – хоть отбавляй.

Участились попытки местного населения проникнуть в крепость и помародерствовать. Караулам несколько раз даже пришлось стрелять. Задержанных сдавали в комендатуру. Внешний периметр Тереспольского укрепления охраняли пограничники расположенной в укреплении погранзаставы, поскольку он совпадал с госграницей. Периметр Волынского и Кобринского укреплений и Цитадели – стрелковые роты. Пришлось увеличить количество караулов в ночное время. Мародеры притихли.

1.4. Новые штаты.

Еще в середине января в батальон пришло новое штатное расписание и приказ приступить к реформированию подразделений под новые штаты. Но, только в конце месяца комбат смог заняться этим делом. Общая численность батальона по новому штату примерно сохранялась.

В каждом взводе четвертое стрелковое отделение и минометное отделение предстояло реформировать в новое «опорное» отделение, имеющее на вооружении станковый пулемет и два противотанковых ружья. Название «опорное», очевидно, указывало, что новое подразделение должно повысить устойчивость подразделения в обороне. Вот только вооружения под новые штаты еще не было. Тем не менее, Гаврилов приказ по батальону выпустил и обучение расчетов приказал начать. По ПТР* пока приходилось учить расчеты только теоретически по уже полученным наставлениям. Минометы калибра 50 мм с вооружения снимались, по причине малой дальности стрельбы.

В каждой роте вместо пулеметного взвода из двух станковых пулеметов формировался опорный взвод, вооруженный крупнокалиберным пулеметом, одним станковым пулеметом, двумя ротными минометами калибра 82 мм и четырьмя ПТР.

В батальоне предстояло сформировать из взвода ПТО, минометной и пулеметной рот единую опорную роту в составе артиллерийского взвода из трех противотанковых пушек калибра 45 мм, минометного взвода при шести ротных минометах и пулеметного взвода при двух крупнокалиберных и двух станковых пулеметах.

Новые штаты Гаврилову и всем командирам очень понравились. Во-первых, огневая мощь батальона заметно увеличивалась. Вместо 9 минометов калибра 50 мм появлялось 6 минометов калибра 82 мм. Старые минометы стреляли миной весом 0,9 кг всего на 900 метров, чего было явно не достаточно. Новые минометы использовали мины весом 3,1 кг и метали их аж на 3 км. Во-вторых, резко усиливалась противотанковая оборона: добавилось еще одно противотанковое орудие и 30 штук ПТР. В-третьих, появились собственные средства ПВО: 5 пулеметов ДШК калибра 12,7 мм, имевших, кроме обычных пехотных, еще и специальные станки для зенитной стрельбы. Эти же пулеметы могли с успехом применяться против легких танков и броневикулов. Количество винтовок, автоматов и оставалось примерно на том же уровне. Количество ручных пулеметов уменьшалось с 36 до 27, а станковых с 18 до 14. Количество самозарядных винтовок уменьшалось втрое, но по факту в батальоне их и было только четверть от штата.

Как понял Иван, основная идея новых штатов состояла в спуске части тяжелого вооружения с полкового и батальонного уровня в роты и взводы, что увеличивало самостоятельность и ответственность каждого командиров рот и взводов. Ну и добавился новый вид оружия – противотанковые ружья калибра 14,5 мм. Судя по полученным наставлениям – серьезная вещь!

Бронепробиваемость – 35 мм на дистанции 300 метров. Пулеметы ДШК тоже могли поражать легкую бронетехнику на большом расстоянии. В результате противотанковые и противовоздушные возможности батальона резко возрастали.

Оставалось дожидаться поступления новых вооружений.

Примечание. Самозарядное противотанковое ружье Н. Рукавишника под патрон калибра 14,5 мм. В «реале» принято на вооружение постановлением ГКО от 7 октября 1939 года. Имело вес 23,5 кг, длину 1,77 м, скорострельность 15 выстрелов в минуту. Ружье обеспечивало начальную скорость пули 1011 м/сек и пробивало броню толщиной 35 мм на расстоянии 500 метров. Однако, серийное производство ПТР Рукавишника развернуто в «реале» не было, из-за появившейся ложной информации о существенно большей толщине брони немецких танков. В альтернативной реальности ПТР Рукавишника принято на вооружение мотострелковых рот. Ввиду выявившейся в производстве технологической сложности и необходимости производства большого количества ружей в короткий срок, Рукавишниковым были спешно разработаны упрощенные варианты ружья: однозарядное ПТР-О для вооружения стрелковых взводов и магазинное ПТР-М для стрелковых рот и мотострелковых взводов. В текущей реальности им соответствуют ПТР Дегтярева и ПТР Симонова, производство которых началось уже после начала войны.

1.5. Комкор.

Впервые пройдя с начальником штаба и ротными командирами весь периметр крепостных валов и заглянув во все казематы по периметру, Иван сильно озадачился. В свое время крепость была рассчитана на 15 тысяч человек гарнизона. Из них тысяч пять – пехотное прикрытие, остальные – артиллеристы. А в батальоне по штату – 780 человек, включая медперсонал и хозяйственников. Длина периметра внешних валов – 6400 метров. На один километр фронта получалось всего 120 человек. В 10 раз меньше уставной плотности. Правда, в уставе имелись в виду полевые укрепления. А в крепости наличествовали мощные кирпичные казематы, укрытые пяти-шести метровыми песчаными и грунтовыми насыпями. Казематов было столько, что каждого пехотинца с винтовкой можно было посадить в отдельный стрелковый или артиллерийский каземат. Это был сильный козырь.

И тем не менее, на километр фронта получалось всего-навсего 5 ручных пулеметов, 2,5 станковых, 2 миномета, 15 автоматов, 20 самозарядных винтовок и 65 обычных. Плотность огневых средств совершенно недостаточная для надежной обороны. Несколько исправляла положение приданная артиллерия – 1,5 дивизионных трехдюймовки и 3 противотанковых сорокапятки на километр фронта. И все равно очень мало. Гаубицы и корпусные пушки предназначались для обстрела удаленных целей, и в обороне крепости не могли помочь никак. Зенитные пушки – тоже. Другое дело – 15 дивизионных минометов. Их огонь, сосредоточенный на узком участке фронта, мог стать весьма серьезным аргументом. Это был второй козырь обороняющихся.

До конца января вместе с ротными кроили «тришкин кафтан», прикидывая как расставить пулеметы, чтобы обеспечить максимальную плотность огня перед внешним рвом на всех участках. Поскольку внешний периметр Кобринского укрепления был практически вдвое длиннее, чем периметр Волынского и Тереспольского укреплений, решили перебросить по два станковых пулемета, по одной дивизионной трехдюймовке и по три сорокапятки из этих укреплений в Кобринское. Больше ничего придумать не смогли. Личный состав занимался вырубкой кустарников на удалении до километра от внешнего рва и расчисткой грунта перед амбразурами казематов, там, где он был выброшен разрывами или оплыл от времени. Артиллеристы Иваницкого копали артиллерийские дворники и ходы сообщения во дворе цитадели.

В конце месяца в крепости появился комкор в сопровождении комдива и штабных работников. Он провел совещание с командирами выводимых из крепости частей корпуса. Все под-

разделения должны были быть выведены до середины февраля. Гаврилов доложил о приемке освобожденных помещений и пожаловался на оставляемый хлам. Комкор поддержал его, заметив, что все помещения должны сдаваться в чистом виде, а весь мусор вывезен на свалку силами выбывающих частей.

После совещания Серпилин оставил Гаврилова с Иваницким и распорядился показать ему схемы расположения огневых средств и их сектора обстрела. До этого Иван видел комкора только издали, на трибуне и в президиуме торжественного Новогоднего собрания. Вблизи комкор оказался высоким, жилистым, чуть сутуловатым сорокапятилетним мужчиной. Его крестьянское, с грубыми рублеными чертами лица, оживляли внимательные серо-голубые глаза, пристально изучавшие каждого нового собеседника. Рассмотрев всё на плане крепости, Серпилин пожелал осмотреться на месте. Начали с артиллеристов. Расположение минометов и зениток комкор одобрил, посоветовав размещать их не слишком близко к стенам зданий, чтобы не засыпало при обрушении стен. Ходы сообщения посоветовал выводить до входов в подвальные казематы, чтобы при артобстреле уносить минометы и зенитные пулеметы в подвалы.

Расположение гаубиц и корпусных пушек на первом этаже кольцевой казармы категорически забраковал, поскольку шестидюймовые пушки и восьмидюймовые гаубицы смогут разрушить вторые этажи казарм и те обвалятся на первый этаж, засыпав пушки. Иваницкий был в растерянности. Пошли осматривать казематы. После посещения сводчатых подвалов кольцевой казармы Серпилин сказал:

– Вот вам и решение. Я эту крепость на занятиях по фортификации в Академии изучал, и до сих пор помню, что толщина наружных стен казармы два метра, а минимальная толщина сводчатых перекрытий – полтора метра. Пушки будем ставить в подвальных казематах. Если в верхнем наружном углу свода подвального каземата пробить наружу отверстие под углом 45 градусов, а полы каземата приподнять, то вполне можно будет вести огонь из орудий в пробитые амбразуры.

– Но ведь сектор обстрела по горизонтали и по вертикали будет очень узким при такой толщине стен! – попробовал возразить комкору Иваницкий.

– А для чего вам широкий сектор? – спросил Серпилин. Иваницкий снова замялся.

– Главная задача тебе поставлена какая? Уничтожать наведенные противником переправы через Буг! Ближнюю зону до 6 километров дальности накроете дивизионными минометами. У них сектор обстрела 360 градусов. Гаубицами прикроете зону от 6 до 12 км. Причем, река течет к крепости почти строго с юга и от крепости строго на северо-запад. Туда и ориентируете пробитые амбразуры. Стрелять придется на дистанцию от половинной и до максимальной. То есть, угол возвышения гаубиц будет от 60 до 45 градусов. Сектор наведения по азимуту за счет небольших излучин реки тоже шире 20 градусов не будет, я думаю.

Корпусные пушки будут накрывать зону от 12 до 18 км, у них угол возвышения будет от 30 до 45 градусов, а сектор по азимуту ещё уже будет. Так что вполне возможно!

– Но, товарищ комкор, это же серьезная строительная работа! Тут инженерные расчеты нужны, да и облицевать амбразуры бетоном желательно! Иначе при стрельбе обвалиться могут, – отрапортовал Иваницкий.

– Тут я с тобой, капитан, согласен. Яков Петрович, – обратился он к присутствующему полковнику. Направь в крепость одну саперную роту для оборудования артиллерийских позиций. А дивизионный инженер пусть сделает расчеты и составит проект на строительные работы. Защитная толща должна держать как минимум попадание восьмидюймового снаряда, а еще лучше – если будет выдерживать неоднократное попадание.

– Сделаем, Павел Федорович! Кирпича в крепости полно, а цемент выделим, – ответил полковник. Позднее Иваницкий и Гаврилов узнали, что это был начальник штаба корпуса Дерюгин.

– И еще! Очень важно! Работы по размещению артиллерии в крепости максимально засекретить. Начнете работать, только когда все лишние части из крепости уйдут. Со всех, кто будет в курсе, взять подписку о неразглашении. Особому отделу следить, чтобы в крепости никого посторонних не шастало!

– Как только будет готов проект строительных работ, сделаем специальный приказ, в нем детально оговорим порядок работ и режим секретности, – ответил Дерюгин.

Затем вся процессия двинулась осматривать позиции батальона Гаврилова. Начали с Тереспольского укрепления. При проведении осмотра стрелковых и артиллерийских казематов в бастионах, Гаврилов пожаловался на недостаточное количество пулеметов и малую численность личного состава для такой длины периметра.

– Тут ты, капитан, конечно, прав. Но выделить в крепость больше людей я не могу, при всем желании. Пожалуй, выделю тебе из польских трофеев 40 ручных и 15 станковых пулеметов. Польских патронов калибра 7,92 тоже имеем в достатке. Все сверхштатные пулеметы при переходе на новый штат тоже можешь себе оставить. Временно.

– Большое спасибо, товарищ комкор! – обрадовался Гаврилов. Плотность автоматического огня у нас тогда вдвое вырастет.

– Товарищ комкор! В крепости, помимо стрелкового и сводного артиллерийского батальонов, остается погранзастава – это почти сто человек. Саперная рота, скорее всего, тоже останется надолго. Тут еще море работы по минированию, по устройству заграждений и по восстановлению разрушенных казематов. Это еще больше ста человек. В случае начала боевых действий, пограничников и саперов можно будет подчинить начальнику гарнизона, – предложил Дерюгин.

– А вот это верно! – Поддержал Серпилин. – Это тебе, капитан, еще две сотни бойцов. Будет у тебя хороший резерв! И выделим тебе колючей проволоки и мин по максимуму возможного. Крепость очень важную задачу решать будет. Готовь такой приказ, Яков Петрович.

Удостоив Иваницкого и Гаврилова крепким рукопожатием, комкор со свитой убыл.

– А комкор то у нас – голова! Хоть и пехотинец, а в артиллерии разбирается. И в фортификации – тоже, – поделился впечатлением Иваницкий.

– И человек душевный, – ответил обрадованный новыми приобретениями Гаврилов.

1.6. Работа.

С 1-го февраля начался вывод из крепости частей 28 корпуса. На этот раз ругани было относительно меньше, поскольку «накачка» со стороны комкора на командиров частей свое действие оказала. Зато количество выводимых подразделений было намного больше, чем в январе. Так что, комбат с обоими замами снова две недели ничем другим, кроме беготни, ругани и подписания бумажек не занимались. Наконец 15 февраля вздохнули свободно. Из посторонних в крепости остались только хозяйственные и санитарные службы 216-го полка и тюрьма НКВД. Тюрьму выводить не стали, поскольку три сотни заключенных можно было использовать в качестве подсобной рабочей силы на строительстве.

В крепости стало непривычно малоллюдно. Вступил в действие приказ по обеспечению секретности работ. Семьи командиров переселили из города в освободившиеся здания в Кобринском укреплении. Посторонние в крепость больше не допускались. В Цитадель допускались только артиллеристы, саперы и зэки. Впрочем, они в Цитадели и размещались.

Корпусные пушки в крепость начали завозить с 16 февраля. Причем только в ночное время. Каждую пушку накрывали каркасом из жердей, обтянутым брезентом. Разглядеть, что скрывается под брезентом, да еще ночью, было не возможно. Дивизионные, зенитные и противотанковые орудия остались от артполка, выведенного из крепости.

Разработанный дивизионным инженером и утвержденный лично комкором, проект размещения пушек в подвальных казематах кольцевой казармы предусматривал устройство в

верхнем наружном углу свода каземата отверстия наружу под углом 30 – 45 градусов для корпусных пушек и 45 – 60 градусов для гаубиц. Амбразуры обшивались опалубкой, затем бетонировались. Полы казематов приподнимались песчаной насыпью, затем бетонировались, так что ствол орудия входил в амбразуру по её центру. Колеса с орудий снимались, а под лафеты в бетон заливались стальные рамы, сваренные из рельсов. Под сошники станин орудий в бетоне отливались соответствующие выемки.

Снаружи над амбразурой отливалась бетонная арка шириной три метра, затем наружная стена казармы укреплялась грунтовой насыпью до уровня второго этажа. Все помещения первого этажа над орудийными казематами предписывалось засыпать грунтом до потолка. Для этого планировалось использовать грунт, вынутый при строительстве орудийных и минометных дворики и ходов сообщения. По расчетам дивизионного инженера, такая защитная толща должна была выдерживать двухкратное попадание восьмидюймового снаряда, или двухсоткилограммовой фугасной авиабомбы.

Во второй половине месяца работы развернулись вовсю. Землю под конвоем вертухаев копали и возили тачками эки. Промерзший за зиму песчаный грунт поддавался с трудом. Артиллеристы Иваницкого разбирали разбитые немецкими снарядами и бомбами здания на кирпич. Саперы занимались устройством артиллерийских казематов. Стрелки Гаврилова ремонтировали стрелковые и артиллерийские казематы во внешних валах. Работы велись с полным напряжением сил. По приказу комкора оборона должна быть полностью подготовлена к 29 апреля.

После вывода всех частей мародеры снова активизировались. Караульную службу пришлось усилить. Перед внешним валом саперы протянули колючку в два ряда. Помимо стационарных ночных постов, установленных на валу через каждые 500 метров, по всему периметру пустили парные караулы. За месяц полтора десятка мародеров сдали в комендатуру, а двоих даже подстрелили.

В середине месяца в батальон поступили первые шесть ПТР и один пулемет ДШК с боекомплектом. Привезли обещанные Серпилиным польские пулеметы и патроны к ним. Без отрыва от стройки началась интенсивная боевая учеба. На оборудованном в Волынском укреплении стрельбище целыми днями грохали выстрелы бронебоек и трещали пулеметы. Расчеты поочередно осваивали новое вооружение. Артиллеристы Иваницкого побатарейно выезжали на корпусной полигон.

В конце месяца Гаврилову изрядно потрепал нервы дивизионный особый отдел. Какой-то гад написал донос, что по приказу начальника гарнизона в крепости вредительски разбираются на кирпич целые здания. Ретивый капитан – особист, явившийся для разбора доноса, обнаружив идущую полным ходом разборку зданий, не нашел ничего лучшего, как запретить разборку и арестовать Гаврилова. Начал шить дело о вредительстве.

О дальнейшем развитии событий Гаврилову рассказывал заместитель комдива по политической части полковой комиссар Бабичев. Замполит батальона Никишкин, узнав об аресте комбата, сразу позвонил замполиту полка, тот – замполиту дивизии, а тот пошел к комдиву. Комдив Яковенко, присутствовавший при посещении комкором крепости, и слышавший своими ушами указание комкора о разборке разрушенных зданий, сразу позвонил Серпилину. Комкор вызвал к себе не в меру ретивого особиста вместе с его начальством и полчаса орал на них. Знавший историю Серпилина, Бабичев не преминул заметить, что комкор сильно не любит НКВД-шников, а за компанию с ними – особистов, и при наличии законного повода с наслаждением оттаптывается на них.

В результате Гаврилова выпустили с извинениями, ретивого особиста из корпуса выперли, а по разборке зданий появился корпусной приказ. В кутузке Гаврилов просидел всего три часа. Гада нашли по почерку – им оказался младший политрук одного из артвзводов по фамилии Березовский. Его из корпуса убрали тоже.

В начале марта батальон получил полный комплект нового вооружения. Гаврилов на две недели освободил от строительства и караульной службы расчеты ПТР и новых пулеметов, чтобы не отвлекать бойцов от их освоения.

Стаявший в последних числах марта снег позволил ускорить земляные работы. Батальон закончил расчистку от кустарника валов, рвов и всей полосы отчуждения шириной один километр вокруг внешних валов и приступил к выравниванию грунта, чтобы убрать все потенциально не простреливаемые точки. Саперы выставили колючку в два кола в двухстах и трехстах метрах от внешнего рва. Одновременно восстанавливались разрушенные амбразуры в казематах.

Работали по двенадцать часов в сутки без выходных. Регулярно наезжавшие с проверками комполка и комдив жестко требовали ускорить проведение работ. Гаврилов и Иваницкий находились в полном недоумении по поводу такой бешеной спешки. На западном берегу Буга никаких немецких частей, да и вообще никакой активности не наблюдалось. Только пограничные наряды. На всякий случай Иван поговорил с начальником погранзаставы, базировавшейся в Тереспольском укреплении, старлеем Кижеватовым. Тот тоже никакой активности на немецком берегу не замечал. Ходили слухи, что дату полной готовности оборонительных сооружений – 1 мая назначил лично главком западного направления Жуков.

1.7. Боевая готовность.

К 20-му апреля в Цитадели саперы закончили пробивку амбразур в казематах кольцевой казармы. Артиллеристы, не дожидаясь облицовки амбразур бетоном, приступили к установке орудий на уже подготовленные постаменты. В последней декаде провели пристрелку орудий и минометов практическими снарядами по контрольным ориентирам.

Стрелки Гаврилова тоже установили все свои огневые средства в намеченные точки и провели пристрелку по рубежам. 29-го апреля прибывшему с последней проверкой комдиву предъявили все огневые точки, готовые к применению. Конечно, многие работы закончить не успели. На позициях стрелкового батальона не успели укрепить стенки ходов сообщения, идущих от входов в казематы к позициями минометов и зенитных пулеметов. Ещё не все амбразуры облицовали бетоном. Не успели замаскировать амбразуры. В Цитадели не успели засыпать грунтом доверху первые этажи кольцевой казармы над орудийными казематами. Ходы сообщения укрепить тоже не успели.

Зато, подготовили и загрузили склады тремя боекомплектами патронов и снарядов и довольствием. На склады приняли 2 тысячи противотанковых и 3 тысячи противопехотных мин. Установку их не проводили до особого распоряжения.

Все-таки, многое не успели закончить. Но, успели главное – все пушки, гаубицы, минометы, пулеметы и ПТР стояли на огневых позициях, расчеты были обучены и готовы к открытию огня. Насупленный комдив, осмотрев всё, заключил:

– Ну, черт с вами, будем считать, что всё готово. Так и доложим.

1-го мая в батальон пришло поздравление с праздником от комкора с благодарностью за проделанную работу. Праздник встретили с облегчением. Утром в городе провели парад гарнизона. В ДКА состоялся праздничный вечер. В торжественной части выступил Серпилин. Всех хвалил, хотя и поругал за недостатки.

После праздников комкор прибыл в крепость с инспекцией. Осмотрев все подготовленные огневые позиции, обратил внимание на недоделки, но разнос устраивать не стал. Напротив, похвалил всех, сказав, что за такое короткое время больше сделать было невозможно в принципе.

На последовавшем в завершение инспекции совещании, комкор предложил всем присутствующим высказаться, что еще можно сделать для усиления обороны крепости. Предложений поступило много:

Установить в казематах автономные электростанции и организовать автономное электро- и водоснабжение.

Оборудовать объединенный командный пункт крепости.

Добавить медперсонал и оборудовать медпункт крепости в бывших пороховых погребах Цитадели.

Проложить заглубленные подземные проводные линии связи между всеми командными и наблюдательными пунктами всех укреплений и Цитадели.

В каждом из трех укреплений оборудовать по одному защищенному наблюдательному пункту во внешнем валу крепости.

Связать все отдельные казематы между собой потернами* или, хотя бы, ходами сообщения по поверхности.

Выслушав все предложения, комкор одобрил и поручил дивизионному инженеру в двухнедельный срок подготовить проект усиления обороноспособности крепости. На август месяц Серпилин назначил проведение учений для всего гарнизона крепости.

После совещания комкор оставил Гаврилова и Иваницкого. Присутствовал и новый начальник особого отдела дивизии.

– То, что я вам сейчас скажу, является секретом особой важности. Никому, кроме меня и комдива, об этом вы не имеете права сказать ни слова. Все вам ясно? Потом дадите подписку о неразглашении.

– Ясно, товарищ комкор! – отрапортовали, вскочив со своих мест и вытянувшись по стойке смирно, командиры.

– Садитесь, слушайте и запоминайте. Вы все наверняка сломали голову, думая, что за странную диспозицию занимает наш корпус. Рассредоточение всего корпуса по взводам и ротам у мостов и переправ. Только в крепости сидит целый батальон. Ни в каком уставе такого не предусмотрено. Поясняю.

Главное командование ставит корпусу основной задачей максимальное замедление продвижения вероятного противника от новой границы до старой. Это необходимо для проведения мобилизации. Поэтому все мосты будут обороняться опорными пунктами, а при угрозе захвата противником мосты будут взрываться. В зоне до 18 км от крепости находятся 5 железнодорожных и 7 автомобильных мостов, проходят 5 железных и 5 важнейших автомобильных дорог.

Ваша задача – блокирование движения по всем железным и шоссейным дорогам в окрестностях Бреста. Для этого вы будете огнем артиллерии уничтожать все временные мосты, которые будет наводить противник взамен взорванных. Корректировку огня артиллерии будет вести по радио специально выделенная для этого разведроты. Уничтожьте мосты – противник не сможет продвигаться вперед. Следовательно, вы должны будете продержаться в крепости максимально возможное время. Ясное дело, после того, как вы артогнем уничтожите мосты, противник бросит против вас все, что будет у него под рукой – пехоту, танки, тяжелую артиллерию, авиацию. Отсюда ваша ближайшая задача – усилить оборонительные укрепления крепости всеми возможными способами. В августе проведем учения с практическими стрельбами.

Обо всем этом будет написано в секретном приказе, который будет у вас в запечатанном конверте. Вскрытие пакета – только после начала боевых действий.

Далее, от вас не требуется стоять в крепости до последнего. Когда вся артиллерия будет разбита противником, или дальнейшее удержание крепости станет невозможным, вам будет приказано прорываться. Противник будет на вас сильно обозлен и обложит плотно. Уже сейчас вы должны подготовить несколько вариантов прорыва из окружения. Возможные варианты маршрута после выхода из крепости проработайте заранее. Потом доложите мне лично. Для поддержки прорыва извне выделим еще одну разведроту. Вопросы?

– Товарищ комкор! Извините за глупый вопрос. А вероятный противник – это немцы? – спросил Иваницкий.

– Это без комментариев. Сами думайте.

– Товарищ комкор! Разрешите по поводу маршрута прорыва посоветоваться с пограничниками. Они все тропки в округе знают. А мы все время в крепости до сих пор проводили, – поинтересовался Гаврилов.

– Можешь консультироваться. Но цель консультации не раскрывай, – разрешил Серпилин. – Теперь все?

– Все ясно! – хором отрапортовали капитаны, вскакивая.

– Я на вас обоих сильно надеюсь! – завершил беседу комкор.

Серпилин на прощание крепко пожал каждому руку и вышел. А особист задержался и взял с каждого подписку о неразглашении.

*Примечание. Потерна – подземный ход с прочными стенами и перекрытиями, соединяющий между собой отдельные казематы в крепости.

1.8. Учеба.

После майских праздников витавшая в воздухе напряженность утихла. А 10 мая ТАСС сообщило о нападении Германии на Францию, Голландию и Бельгию. Все начальники Гаврилова расслабились. Начальство в лице комполка, комдива и их замов перестало допекать ежедневными требованиями «ускорить – срочно завершить» работы. Появилось время отдыхать и оглядеться. Гаврилов установил в ротах график: один взвод в карауле, второй на стройке, третий и четвертый на учебе. Еженедельно взводы менялись. Сверхурочные работы на стройке прекратились. Теперь распорядок стал соответствовать уставу.

У комбата появилось, наконец, возможность самому познакомиться с поступившими образцами вооружения. Он считал, что командир должен лично владеть всеми видами вооружения, имевшимися в подразделении. Начал со штатных: противотанковых ружей и пулемета ДШК. Ружья поступили двух моделей: ПТР-О и ПТР-М, разработки конструктора Рукавишникова*.

ПТР-М сильно напоминало увеличенную трехлинейку с удлиненным стволом, оснащенным сошками. В магазине помещалось четыре патрона. А вот сами патроны калибра 14,5 мм весьма удивили – почти маленькие снаряды с бронебойной пулей весом 64 грамма. При стрельбе ружье лягалось прикладом в плечо почти как лошадь копытом, несмотря на свою двадцатикилограммовую массу. Оно и понятно: начальная скорость пули составляла 1000 метров в секунду. Провели испытания – на удалении 100 метров пуля пробила пакет из четырех листов 10-миллиметрового железа. Все сильно впечатлились. ПТР-М поступило на вооружение опорных рот.

Однозарядным ПТР-О вооружились опорные отделения взводов. Оно было на пару кило легче и еще проще по устройству, чем ПТР-М. После каждого выстрела бронебойщик открывал ручную затвор, стрелянная гильза выбрасывалась и заряжающий вставлял в патронник новый патрон.

А вот пулемет ДШК** был внушительной машиной. До сих пор Иван видел их только издали. А теперь довелось и пострелять. Что тут сказать? Мощь! На стрельбище пулемет превращал толстенное бревно в щепки за пару секунд. Станок по типу максимовского позволял стрелять по наземным целям, а сменный зенитный станок – по самолетам. Причем, смена станка тренированным расчетом проводилась за секунды.

Трофейные польские станковые пулеметы оказались одной из модификаций максима. Никаких проблем с их освоением личным составом не возникло. Ручные пулеметы системы Браунинга отличались от привычных пулеметов Дягтерева, но и с ними успешно разобрались.

Посоветовавшись с ротными, половину трофейных станковых пулеметов и девять ручных отдали в первую роту, занимавшую самое большое Кобринское укрепление. Теперь каждое стрелковое отделение первой роты стало пулеметным: на вооружении отделения один станкач и два ручника. Остальные пулеметы поровну разделили между второй и третьей ротами.

Посоветовавшись, Гаврилов с Иваницким решили в оставшееся до назначенных комком гарнизонных учений, не такое уж большое время, сосредоточить все усилия на огневой и тактической подготовке подразделений, в ущерб, временно, всем другим видам боевой подготовки. В конце мая провели боевые стрельбы. Стрелки и пулеметчики стреляли на стрельбище, оборудованном в Волынском укреплении, а минометчики и артиллеристы ездили на корпусной полигон. Ротных снайперов отправили на двухмесячные сборы в дивизионный учебный батальон. Весь остаток мая посвятили отработке взаимодействия между отделениями во взводах.

Появилось, наконец, время подумать о маршрутах прорыва из окружения. После консультации с пограничниками и начальником штаба дивизии разработали пять вариантов прорыва. Вариант номер один предусматривал прорыв из Кобринского укрепления на север, затем марш на северо-восток до полосы обширных лесов, далее на восток по лесам. Второй вариант предусматривал прорыв из Кобринского укрепления на юго-восток с выходом в лесную зону и далее на восток вдоль Припяти. Третий и четвертый варианты предусматривали прорыв из Волынского укрепления на юг и уход в припятские леса. По третьему варианту из крепости прорывались по пойме Буга, а по четвертому – по кратчайшему пути к лесу в направлении селения Гершоны. По варианту номер пять прорыв намечался из Тереспольского укрепления на запад с форсированием реки Буг, затем по польскому берегу Буга марш на юг и снова переправа через Буг непосредственно в припятские леса. Этот вариант предполагал поддержку переправы со стороны военных кораблей Пинской флотилии. Достоинством последнего варианта было то, что противник его ожидать никак не мог. Недостатком – зависимость от Пинской флотилии.

Варианты прорыва Гаврилов доложил Серпилину лично. Комкор одобрил и отдал наметки Гаврилова в штаб для подготовки секретного приказа. Гаврилову сообщил, что в приказе будет указано расположение партизанских баз по маршрутам прорыва и способы связи с партизанами. Партизанам будет дано указание оказать помощь прорывающемуся отряду.

В июне и июле отработали взаимодействие отделений во взводах и взводах в ротах. Поскольку каждый взвод и каждая рота обороняли очень длинный вал, к тому же имеющий сложную зигзагообразную форму, важно было отработать быструю переброску бойцов на атакованный участок по казематам и ходам сообщения. С собой расчеты переносили легкое стрелковое оружие: ручные пулеметы и бронебойки. Перемещение артиллерии и станковых пулеметов по понятным причинам не производилось. Каждому перебрасываемому бойцу или расчету требовалось подготовить огневую точку. И так при атаке на любой участок периметра. Все расчеты провели пристрелку оружия по рубежам со всех огневых точек.

Минометчики отработывали маневр траекториями. Дальнобойность ротных минометов позволяла накрывать огнем любой участок периметра крепости из любого укрепления. То есть, огонь всех минометов батальона можно было сосредоточить на любом атакованном участке. В конце июня расчеты дивизионных минометов Иваницкого тоже провели пристрелку по ближним рубежам на случай их участия в отражении атак на крепость. Минометчики проводили пристрелку практическими минами – болванками без разрывных зарядов.

Артиллеристы и минометчики Иваницкого в это же время провели пристрелку по местам вероятного наведения переправ противником. Стреляли болванками, конечно же, не по пограничной реке, а введя поправку на полкилометра в глубину своей территории. Выявилась необходимость принудительной вентиляции артиллерийских казематов, поскольку после каждого выстрела от стен поднималась вековая пыль, да и пороховые газы, выходящие из казенников орудий при перезарядке, удушали расчеты.

В августе начали готовиться к предстоящим учениям. Отрабатывали взаимодействие рот при атаке противника с разных направлений. За противника действовала временно приданная, по указанию Серпилина, разведрота. Десяток грузовиков автобата изображали танки, благо выровненный в полосе отчуждения грунт, позволял им передвигаться по полям, не застревая.

Примечание 1. В текущей реальности хорошее самозарядное противотанковое ружье Н. В. Рукавишникова на вооружение принято не было, и Красная Армия вступила в войну вообще без противотанковых ружей (?!). В немецкой пехотной дивизии образца 41-го года было 80 противотанковых ружей. В альтернативной реальности самозарядное ПТР Рукавишникова принято на вооружение мотострелковых рот. В стрелковых войсках на вооружение приняты его упрощенные и облегченные варианты – магазинное ПТР-М и однозарядное ПТР-О. В реале производство ПТР пришлось срочно налаживать уже в ходе войны. Массово производились однозарядное ПТР конструкции Дягтерева и магазинное ПТР конструкции Симонова. Первые образцы появились в войсках только в декабре 1941 года. Всего за годы войны было выпущено 400 тысяч ПТР.

Примечание 2. Принятый на вооружение в 1938 году текущей реальности крупнокалиберный пулемет ДШК выпускался промышленностью ни шатко – ни валко, всего к началу войны в войсках имелось около 2000 пулеметов ДШК, или по 10 штук на дивизию первого эшелона. Основным зенитным средством стрелковых дивизий оставался счетверенный пулемет максим, малоэффективный против тогдашних немецких самолетов. В альтернативной реальности счетверенные максимы с вооружения сняты, массовое производство пулеметов ДШК налажено.

1.9. Новый проект.

Служба дивизионного инженера сделать проект реконструкции укреплений крепости к середине мая, конечно же, не успела. Только в начале июня дивинженер лично привез в крепость четыре толстенные папки с бумагами. В одной находилась пояснительная записка к проекту, украшенная на титульном листе собственноручной подписью комкора Серпилина: «Гаврилову, Иваницкому. К исполнению. Подготовить план-график проведения работ и доложить мне лично.» В трех других папках содержались строительные чертежи и ведомости расхода материалов. Изучение проекта отняло у поименованных товарищей весь день.

Проект впечатлил. Дивизионные инженеры продумали все. Предусмотрено было строительство защищенного командного пункта крепости. Его запроектировали под плацем в восточной части Цитадели. В десяти толстостенных бетонных казематах, расположенных с двух сторон от центрального коридора, предусматривалось размещение главного КП гарнизона, узла проводной и радио связи, КП стрелкового батальона, КП артиллеристов, зенитчиков и минометчиков, штаб батальона и штаб приданной артиллерии, автономная электростанция и скважина с насосом и водяной цистерной. Коридор с обоих концов переходил в потерны, выходящие в подвальные казематы кольцевой казармы. Полутораметровое бетонное перекрытие главного КП защищалось шестиметровой толщиной грунта и бетонным покрытием плаца. Линии проводной связи предусматривалось проложить в траншеях трехметровой глубины, каждая линия дублировалась.

Над орудийными амбразурами сооружались арки из кирпича и бетона, которые сверху засыпались грунтом.

Во всех надвратных башнях оборудовались наблюдательные пункты. Кроме того, в каждом из укреплений на оконечности центрального равелина инженеры запроектировали строительство защищенного бетонного бункера под ротные НП.

В каждом укреплении и в Цитадели в бывших пороховых складах предусматривалось создание складов продовольствия, боеприпасов, воды, автономных электростанций и водяных

колодцев. Все казематы в валах и редюитах связывались между собой и с огневыми позициями ходами сообщения полного профиля с выложенными кирпичом стенами. Орудийные и минометные дворики тоже обкладывались кирпичом.

Предусматривались противопожарные и противохимические мероприятия. Для защиты амбразур от осколков и пуль рекомендовалось изготовить съемные экраны из десятимиллиметровой стали, устанавливаемые изнутри казематов. Предусматривалась принудительная вентиляция артиллерийских казематов с помощью мощных электрических вентиляторов.

В пороховом складе Цитадели запроектировали даже госпиталь гарнизона в штатах медсанчасти стрелкового полка. Но, для организации госпиталя нужно было еще утвердить штаты медперсонала.

В общем – предстояли огромные строительные работы. Всего предстояло переместить 110 тысяч кубометров грунта, выложить 12 тысяч кубов кирпичной кладки, уложить 7 тысяч кубов бетона. 1-го июня комкор утвердил разработанный командиром саперной роты старшим лейтенантом Дюжевым и согласованный Гавриловым план-график работ.

Имеющимися силами гарнизон справиться с таким объемом работ до зимы никак не успевал. Присланная вскоре охранная полурота НКВД быстро огородила колючей проволокой в два кола группу опустевших домов на территории Кобринского укрепления. Там организовали лагерь для полутысячи военнопленных поляков. Вместе с тюрьмой НКВД, количество эков, занятых на стройке, приблизилось к тысяче человек.

1.10. Большие учения.

14-го августа прибывший в крепость комдив Яковенко провел репетицию батальонных учений, готовясь к намеченному на 25-е число приезду комкора. Все прошло более-менее нормально, не считая неизбежных мелких накладок и неувязок. Сделав замечания, комдив убыл.

Наступило 25-е. С утра в крепость прибыли комкор с комдивом в сопровождении целой свиты штабных работников. Пройдясь по территории, Серпилин осмотрел ведущиеся полным ходом работы. Заглянул в глубокий котлован, в котором уже заканчивали отливку бетонных стен главного КП. Затем всех штабников разослали по подразделениям посредниками. Комкор с начальником штаба корпуса и комдивом в сопровождении Гаврилова поднялись на главный НП крепости, размещенный на шестом этаже надвратной башни Тереспольских ворот. Оттуда отлично просматривалась вся крепость, полоса отчуждения и окружающая местность километров на пять вокруг.

– Ну что, комбат, готов? – осведомился комкор.

– Батальон готов к учениям! – отрапортовал Гаврилов, вытягиваясь.

– Ну, тогда начнем! Объявляй боевую тревогу!

– Иван схватил трубку телефона и дал команду на КП. Через секунды завывла сирена. Вскоре по ходам сообщения замелькали каски бойцов. В орудийных и минометных двориках засуетились расчеты.

– Вот тебе первая вводная, – сказал Серпилин, взглянув на часы, – с юга Волынское укрепление атакует пехотный полк при поддержке танкового полка. Атака идет вдоль Буга между рекой и западным равелином. Поглядев в указанном направлении, Гаврилов увидел выходящую из леса пехоту и выезжающие в поле с автодороги грузовики.

– Это разведрота изображает пехотный полк, авторота представляет из себя танковый полк, – пояснил комкор.

Ну, что же, такая вводная давно отработана. Иван схватил трубку и начал выдавать команды. Серпилину вскоре пошли доклады посредников.

Минометчики опорной роты начали «обстрел» пехоты. Дивизионные минометы Иваницкого открыли «огонь» по танкам. Пулеметчики и бронебойщики 2-ой роты по ходам сообщения и казематам стянулись на атакованный участок. «Танки» вышли на «минное поле» и

застопорились. В правый борт им из рavelина начала «стрелять» сорокопятка и десяток бронебойщиков. В лоб «ударила» дивизионная трехдюймовка из каземата в куртине. Пехоту начали косить 3 станковых и 12 ручных пулеметов.

Через двадцать минут посредники «списали» 35 танков и батальон пехоты. Условный противник отступил.

– Ну что, же, – заключил комкор. Неплохо исполнено. Все сделано быстро и точно. Продолжим. Новая вводная:

– По позициям минометов и открыли огонь дивизионный и корпусной арполки. Полковая артиллерия обстреливает выявленные огневые точки.

Иван снова схватил трубку и дал необходимые команды. В ходах сообщения и минометных двориках двориках снова замелькали каски бойцов, уходящих из под обстрела в казематы. Иван знал, что расчеты сейчас откатывают пушки и пулеметы от амбразур и закрывают их стальными щитами.

Затем последовал «авианалет». Зенитчики отработали все четко. Затем пошла «атака» пехоты и танков на Кобринское укрепление. Затем артобстрел и попытка форсирования Буга и атаки на Тереспольское укрепление. Тут, понятное дело, условного противника не было, поскольку атака шла с сопредельной стороны. Батальон и артиллеристы действовали четко. Комкор одобрительно хмыкал. Посматривая искоса на Серпилина, Иван видел, что тот доволен.

Последний блин, однако, вышел комом.

– Вот тебе, капитан, последняя вводная. После авианалета и артобстрела противник провалился через куртину Кобринского укрепления у Северных ворот и атакует в сторону Цитадели.

Иван схватил трубку и дал команду резерву: саперной роте и пограничникам выдвигаться на участок кольцевой казармы Цитадели напротив Северных ворот и отразить противника при переправе через Мухавец. Комкор опять хмыкнул, но уже недовольно. Цитадель удержали, противника при переправе через Мухавец отразили, но центральную часть Кобринского укрепления, включая оба редюита, он захватил.

На следующий день в обед, после обобщения докладов всех посредников, комкор провел разбор учения.

Резюме было такое. Все атаки на внешнее ограждение крепости отбиты успешно, но действия гарнизона после прорыва противника через валы комкор признал неудовлетворительными. Резервы надо было выдвигать не в кольцевую казарму, а навстречу противнику в редюиты и в казематы горжевых валов.

– Но у меня всего двести человек резерва! – попробовал возразить Гаврилов. Если я их выдвину в редюиты и горжу, у меня Цитадель оборонять некому будет, когда противник прорвется через выдвинутые резервные роты.

– Так, да не так, – ответил Серпилин. У вас с Иваницким в цитадели еще артиллеристов почти 600 человек. Часть зенитных орудий и минометов противник к этому времени неизбежно разобьет артиллерией. Вот их расчеты и используйте как пехоту для обороны Цитадели. Плюс заряжающие и подносчики снарядов от всех тяжелых орудий. Это еще две роты. При таком подходе противнику придется сперва прорываться через внешние валы, потом через редюиты, а потом через горжу. Получается целых три сильных оборонительных линии вместо одной, как у тебя получилось.

– Но, у моих артиллеристов из стрелкового оружия только по одному автомату на расчет, да винтовок немного, – теперь уже попробовал возразить Иваницкий.

– Ишь ты, бедным родственником прикидывается, – усмехнулся комкор. По одному автомату на расчет – это у тебя почти 60 автоматов. Сосредоточенные на узком участке, да еще при стрельбе в упор из кольцевой казармы через Мухавец, 60 автоматов – это страшное дело. Да

и зенитные пулеметы крупнокалиберные против пехоты кто тебе не дает применить? Но, тут ты кое в чем прав. Стрелковое вооружение вам надо еще усилить. Выделю вам из трофеев еще 5 станковых пулеметов, 10 ПТР, 15 ручных пулеметов и 300 винтовок, для усиления огневых возможностей резерва.

– А тебе, капитан, – обратился он к Гаврилову, – даю задание продумать оборону не только внешних валов, но и всех редюитов, и горжи во всех трех укреплениях. Понимаю, что одного батальона для этого мало. Выкручивайся за счет маневра резервом. Из артиллеристов сформируйте еще одну сводную резервную роту и обучите обороняться в цитадели. В целом, за учения ставлю вам удовлетворительно, – заключил комкор.

1.11. Тихая осень.

Командование поставило задачу завершить все строительные работы досрочно, к первому ноября. Хотя, за границей по-прежнему всё было спокойно. Ускориться на шесть дней против утвержденного графика было вполне возможно. Хотя Гаврилов был вполне уверен, что командование на самом деле хочет завершить работы к Октябрьским праздникам, а дату первое ноября ставит, просто, чтобы подстраховаться.

Тем не менее, график работ скорректировали и ускорились. Напрягала нерегулярная поставка цемента, которого все время не хватало. В таких случаях, чтобы не простаивать, заменяли монолитный бетон кирпичной кладкой. Менее прочно, зато сроки не срываются.

Совершенно неоткуда было взять листовую десятимиллиметровую сталь для заслонок амбразур. Вышли из положения, начав вырезать бронеплиты из сожженных польских танков и броневикулов, которых в крепости осталось около трех десятков. Танки резали автогенном на куски подходящего размера. Толщина брони составляла от 8 до 12 мм, то есть была вполне подходящей. Когда разрезали все танки и броневики, оказалось, что всю потребность в бронезаслонках обеспечили. По крайней мере, для пушек, станковых пулеметов и ПТР. Конечно, на штатные бронезаслонки дотов это мало походило. Ну да и пушки в казематах стояли не капонирные, а обычные, полевые.

Не хватало стальной арматуры. Приходилось собирать металлолом и все, что возможно, пускать на армирование бетона. Как-то выкручивались.

К концу работ разобрали на кирпич все разрушенные немцами здания. Пришлось даже разобрать несколько неповрежденных, с выбитыми окнами. А что? Все равно, выбитые окна – это повреждение.

Много возникло сверхплановой возни с приспособлением под огневые точки казематов в редюитах и горжевых валах. Но, хочешь – не хочешь, а приказ комкора надо было выполнять. Иван дорожил мнением комкора, и совершенно не хотел получить от него замечание. Но, поскольку в них предполагалось размещение только стрелкового оружия, а не артиллерии, справились и с этим.

Самое главное – вовремя, до холодов построили защищенный командный пункт, проложили подземные линии связи и ходы сообщения.

Первого ноября Гаврилов с Иваницким доложили о завершении всех работ. До праздников из крепости вывели лагерь с польскими военнопленными. Наконец то, можно было вздохнуть свободно. Строительство закончилось. Гарнизону осталась только боевая учеба и караульная служба. Только что ушли в запас отслужившие три года бойцы – срочники, вместо них пришли лопухие призывники. Приходилось их снова учить. Ну да это – дело привычное.

1.12. Заседание Политбюро ЦК ВКП(б). 10 июня 1940 г.

Открывая заседание Политбюро 10 июня И. В. Сталин, в частности, сказал:

... Наша надежда на затяжную войну на Западе, похоже, не оправдалась. Немцы разгромили Бельгию и Голландию. Не сегодня – завтра возьмут Париж. Очень настораживает тот факт, что Гитлер позволил англичанам эвакуировать свой экспедиционный корпус из Дюнкерка. Немцы имели 100%-ную возможность полностью уничтожить его. Похоже, что Гитлер специально сделал этот широкий жест, в надежде на заключение мира с Англией. Если ему это удастся, то следующим его шагом, скорее всего, будет нападение на СССР.

Когда же это может произойти?

Этим летом Германия, в любом случае уже не сможет напасть на нас. Завершение войны с Францией еще потребует времени, и перебросить войска к нашим границам немцы могут успеть только к осени. Нападать на нас в преддверии зимы они, понятное дело, не станут. Следовательно, нужно ожидать нападения Германии в мае следующего года. Таким образом, у нас есть еще почти целый год для обстоятельной подготовки.

1.13. Командарм Серпилин.

Крутой поворот событий произошел в начале сентября. Меня вызвал командующий округом генерал-полковник Мерецков и вручил приказ о моем назначении командующим 4-ой армией. В состав армии, кроме моего 28-го корпуса, включались 61 и 66 стрелковые корпуса. Это были корпуса сокращенного состава, располагавшиеся на тыловом рубеже. Их нужно было перебросить в район Бреста, укомплектовать до полного штата, и поставить их в прочную оборону на западной границе по берегу реки Западный Буг на фронте шириной 150 км, на 70 км к северу и к югу от Бреста. 28 корпус при этом оставался в обороне предполья главного рубежа. Армейское управление перебрасывалось из Среднеазиатского военного округа. Готовность армии к выполнению боевой задачи нужно было обеспечить не позднее 30 апреля 1941 г.

Ознакомившись с приказом, я испытал сложное чувство: с одной стороны – законную гордость за высокое назначение и удовлетворение от высокой оценки командованием моей деятельности на посту командира корпуса, а с другой – досаду. Ну почему это решение не было принято хотя бы в июле? Ну, в крайнем случае – в августе! Теперь же мне предстоял такой же аврал, как и в декабре прошлого года. Своим недоумением я поделился с командующим. Кирилл Афанасьевич ответил мне, что это следствие изменений международной обстановки. Справа от нас теперь формируется Прибалтийский военный округ, и появилась возможность устроить немцам хорошую баню не только на старой, но и на новой границе. Павлов утешил меня, сказав, что я не один такой, на правом фланге округа формируется еще одна такая же армия, а в белостокском выступе размещается еще один корпус обороны предполья. В заключение он пообещал все возможное содействие со стороны командования округа, а также выделение в наше распоряжение строительных подразделений окружного подчинения, выделение строительных материалов и техники. Расписавшись в получении приказа, я отбыл в Кобрин.

Проработав приказ со штабом корпуса, я пришел к выводу, что строить плотную оборону двумя корпусами на 150-километровом фронте бессмысленно. Два корпуса невозможно создать многополосную эшелонированную оборону и выделить сколь-нибудь сильные резервы. Поневоле оборона будет построена в одну линию батальонных узлов. Заранее сосредоточив на своей территории на участках прорыва артиллерию, немцы за сутки проломают оборону на нескольких участках и форсируют реку. За вторые сутки они артогнем и авиацией уничтожат наши переброшенные к участкам прорыва резервы и выйдут на оперативный простор. Расчеты показывали, что для создания обороны требуемой плотности требуется минимум 6 корпусов. Вместе с тем, я прекрасно понимал, что верховное командование, на самом деле, жертвует нашими корпусами с целью получения выигрыша во времени для мобилизации. Однако, слепо выполняя приказ, мы не сможем задержать немцев на границе на требуемые 4 дня, тем самым не выполним его.

Поскольку за предшествующие полгода, готовя рассредоточенную оборону предполья, мы прекрасно изучили театр предстоящих боевых действий, у нас сразу же возникло встречное предложение к штабу Главкома. На расстоянии примерно 60 км от границы, практически параллельно ей, труднопреодолимой полосой шириной порядка 20 км и длиной более 150 км пролегали дремучие вековые леса, начинавшиеся от Беловежской пуши в центре белостокского выступа. Леса пересекались многочисленными ручьями и речками, большие площади в этих лесах занимали болота. Поэтому, был прямой смысл применить ту же тактику рассредоточенной обороны, по которой собирался действовать наш 28 корпус.

Передовую линию оборонительных узлов уровня взвод – рота с опорой на форты брестской крепости можно было развернуть по реке З. Буг, как и предписывалось приказом штаба округа. Узлы обороны можно было построить во всех точках, где характер реки, берегов и прилегающая местность благоприятствовали наведению переправ. На территории между рекой и полосой лесов разместить опорные точки на всех переправах через реки и в узлах дорог. По сравнению с тем, что мы сделали в 28 корпусе, можно было увеличить вдвое количество опорных пунктов на этой территории.

Вторую линию обороны логично было построить в зоне лесов. В полосе обороны армии лесную зону пересекали всего 4 главных и 9 второстепенных дорог, представлявших собой классические дефиле. Построив в лесах поперек дорог широкие засеки, заминировав дороги мощными фугасами и разместив на дорогах опорные пункты, можно было надолго задержать продвижение многократно превосходящего противника. За опорными пунктами лесной зоны на закрытых позициях следовало расположить корпусную и дивизионную артиллерию, заранее пристреляв все дороги. Удары тяжелой артиллерии по колоннам противника, втянувшимся в лесные дефиле, обещали быть весьма эффективными. По нашей оценке, при такой организации обороны, мы могли задержать противника не менее чем на 7 дней.

В крепости Бреста я решил развернуть вместо артиллерийского батальона целый корпусной артполк, прикрыв его усиленным стрелковым полком. Артиллерия из крепости контролировала все дороги и мосты вокруг Бреста в радиусе 18 километров от цитадели. Это создаст практически непреодолимые трудности в снабжении вражеской группировки, которая будет наступать с южного фланга Западного округа. Противник вынужден будет штурмовать крепость крупными силами, теряя на это драгоценное время и неся большие потери.

Часть 2. Полк.

2.1. Новое назначение.

В первых числах ноября Гаврилова неожиданно вывали в штаб дивизии. В штабе дежурный направил его прямо к комдиву. В кабинете комдива, кроме него самого, обнаружился еще и незнакомый полковник, которому комдив представил Гаврилова. А дальше на Ивана обрушились сногсшибательные новости. Сперва комдив вывалил плохую новость, объявив, что вся дивизия в составе корпуса подчиняется вновь сформированной 4-ой армии и перебрасывается на сто километров восточнее, за реку Ясельда. У Гаврилова все внутри опустилось. Переселиться зимой из обжитой крепости в чистое поле врагу не пожелаешь. А у него семья и дети.

Дальше последовала хорошая новость: командующим армией назначен их бывший комкор Павел Федорович Серпилин. Это хорошо, мелькнула мысль, – комкор меня, вроде, ценит.

Следующая новость была просто великолепной. Что бы не снижать обороноспособность крепости, батальон Гаврилова решено оставить на месте и передать в состав 117-й дивизии 66-го корпуса, который перебрасывались на место 28-го корпуса. Везет мне! Опять оказался в нужное время в нужном месте, мелькнула у Ивана мысль.

Тут комдив представил и Гаврилову присутствующего полковника, оказавшегося командиром этой самой 117-й дивизии. Иван ответил полковнику Тиманову на несколько вопросов, относительно состояния дел в крепости. Затем ему велели подождать в приемной. Выйдя через

полчаса, его новый комдив предложил Гаврилову немедленно выехать в крепость и позвал в свою эмку. Полуторка Гаврилова поехала следом.

Уже в машине комдив вывалил на Гаврилова последнюю новость, огрев ею по голове, как дубиной. По приказу командарма, на базе батальона Гаврилова будет развернут 440-й стрелковый полк, который и будет оборонять крепость. Входящий в дивизию на данный момент 440-й стрелковый полк является запасным полком сокращенного состава. В нем числится всего 250 человек, в основном командный состав, недавно призванный из запаса. Майор, исполняющий сейчас обязанности комполка, пойдет замом по строевой к Гаврилову. Назначение на командные должности полка отдается на откуп самому Гаврилову. Он должен ознакомиться с прибывающим комсоставом, и представить в дивизию свои предложения по кандидатурам.

– То есть, если прибывающие командиры меня по каким-то соображениям не устроят, то я могу выдвинуть своих ротных на должности комбатов? – уточнил Гаврилов.

– Можешь, можешь, но эти «какие-то» твои соображения должны быть объективными. Свои решения ты должен мотивировать, – ответил комдив.

– Это понятно, мне, может быть, в крепости воевать придется. Так что буду представлять самых достойных. Любимчиков у меня не водится.

– Ну и лады, резюмировал комдив.

Вскоре Гаврилову досрочно присвоили звание майора. Юлечка радовалась, кажется, больше чем сам Гаврилов. Впрочем, Гаврилов не был исключением, многие знакомые ему командиры из 28-го корпуса, перешли в новые корпуса, и все с повышением в должности и в звании.

2.2. Новые хлопоты.

В конце ноября в Бресте разгрузились четыре эшелона, в которых прибыл 440-й полк. В резервном полку, как узнал Гаврилов, числилось всего 250 человек личного состава. Практически – командирский состав штаба полка, часть командиров, начиная с ротных и около сотни рядовых бойцов. Что весьма впечатлило Гаврилова, несмотря на малую численность, полк привез с собой полный штат вооружения, имущества и полный комплект боеприпасов. В общем, это скорее был не полк, а склад полкового имущества и вооружения, с минимальным количеством личного состава. Снова пришлось всем батальоном четыре дня спешно вывозить имущество с товарной станции и размещать его в крепости. На разгрузке и складировании военного имущества пришлось изрядно попотеть всем, невзирая на чины и звания.

Пока личный состав под руководством заместителей Гаврилова занимался разгрузочно-транспортными работами, сам он изучал личные дела и беседовал с прибывшими командирами. Средний возраст запасников приближался к сорока годам. Большинство из них в молодости успело поучаствовать в империалистической или гражданской войнах, получило тогда же младшие командирские звания, а затем, через запас и учебные сборы комсостава, доросло до уровня старлеев – капитанов. Понятное дело, их тактическая подготовка и командные навыки оставляли желать лучшего.

Поразмыслив и посоветовавшись с замами, Гаврилов решил разворачивать полк на основе своего батальона. Отделения разворачивать во взводы, взводы – в роты, а роты – в батальоны. Соответственно, почти всех командиров подразделений приподнять в должности на одну ступень. Большинству призванных из запаса командиров требовалась переподготовка, а времени на нее катастрофически не хватало. Прибывший комсостав решили использовать как заместителей командиров подразделений – пусть учатся в деле. Кроме того, из прибывших командиров сформировали комсостав нового батальона боевого обеспечения – создаваемого с нуля подразделения, отсутствовавшего в старом батальоне. Многих командиров – партийцев назначили политруками подразделений. Удалось укомплектовать комсостав взводов на 30%, а рот и выше – почти полностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.